

Клиника в океане

Автор:

[Ирина Градова](#)

Клиника в океане

Ирина Градова

Врачебные секреты Сыщица в белом халате #8

После ухода из отдела медицинских расследований врач Агния Смольская скучала недолго – к ней обратился представитель российского отделения Интерпола с весьма необычным предложением: устроиться под прикрытием в плавучую клинику «Панацея». На этом суперсовременном судне в обстановке строжайшей секретности оказывались медицинские услуги сильным мира сего. А внимание спецслужб оно привлекло, когда с «Панацеи» начали бесследно исчезать люди: и простые служащие, и высококлассные врачи. Так Агния оказалась на борту гигантского лайнера, но как наслаждаться новой интересной работой и путешествием, если тебе постоянно угрожает опасность?

Книга также издавалась под названием "Танцующая в волнах"

Ирина Градова

Клиника в океане

Пролог

1990 год, Боливия

– Поторапливайтесь, ленивые ублюдки! – заорал Игнасио Моралес, заметив, что местные замешкались с погрузкой. Над высокими кронами деревьев, такими густыми, что за ними не было видно неба, явственно слышался шум вертолетов.

– Ну как, успеваем? – спросил Доктор.

– Едва-едва, – пробормотал Моралес, с тревогой глядя вверх. – Они пригнали «вертушки», через двадцать минут тут станет жарко!

– Нам столько времени не понадобится.

Моралес внимательно посмотрел на человека, с которым проработал бок о бок несколько лет. Несмотря на столь долгий срок, он не мог бы сказать, что узнал Доктора достаточно хорошо. Вернее, сейчас он знал о нем ровно столько же, как и в день их первой встречи. Все эти годы Доктор был «Тем-Кто-Живет-На-Горе» – именно под этим именем его знали жители близлежащих сел и деревень. Они не трогали Доктора, а он не трогал их, не мешал людям тихо выращивать, собирать и продавать коку наркокартелю, представители которого раз в полгода наведывались в эти края. Моралес подозревал, что даже эти крутые ребята испытывали перед Доктором священный ужас, какой, должно быть, питали к своим злым и жестоким богам древние жители страны. Он казался им воплощением могущества и Великого Знания, а Игнасио Моралес считал Доктора злом во плоти, хотя и пытался сейчас помочь ему эвакуировать все, что только возможно было спасти, – плоды его многолетних трудов, которым предстояло продолжиться где-нибудь в другом месте. Только на этот раз – без Игнасио: с него хватит!

С грехом пополам погрузка закончилась. Моралес прекрасно видел, что парням не терпится поскорее свалить, но они боятся, потому что на них направлены дула автоматов людей Игнасио. Дьявол, да он и сам бы с удовольствием сделал отсюда ноги, но гордость не позволяет. Ну ничего, ничего, еще пара часов...

Обернувшись, Моралес увидел, что его ребята крутятся вокруг главного корпуса – так громко называлось скромное деревянное здание под крытой пальмовыми листьями крышей. В руках они держали канистры с бензином.

– Эй, что это значит? – Игнасио схватил доктора за рукав.

– Здесь все нужно сровнять с землей, – спокойно отозвался тот. – Им не достанется ничего из моих исследований!

– Но... там же люди! – не веря своим ушам, воскликнул Моралес.

– Они – не люди, они – расходный материал, которого повсюду пруд пруди! Отойди и не мешай, Игнасио: время не ждет!

Ошеломленный, Моралес отступил. Пламя охватило здание. Сухие пальмовые листья с треском и громким свистом съеживались и обугливались у него на глазах, из заколоченных окон валил дым. Игнасио показалось, что он слышит крики людей, запертых внутри, но эти звуки вполне мог издавать и сам огонь, словно легендарное чудовище, пожирающее все на своем пути. Доктор влез в одну из машин, готовых к отправке, проверяя, все ли вещи туда погрузили, местных уже и след простыл, а остальные как замороженные наблюдали за разрушительным действием пламени.

Моралес медленно подошел к дереву, прислонил к его толстому вековому стволу свой «АК-47», оглянулся в последний раз на пылающие останки клиники и шагнул в гущу тенистой чащи, навсегда оставляя позади свое прошлое – вместе с «Тем-Кто-Живет-На-Горе».

Май 2009 года, Голливуд

Эндрю Макафферти являлся руководителем пресс-службы студии «Маунтлерой» вот уже восемнадцать лет, и каждый раз, будучи приглашенным на совещание вроде этого, испытывал неприятное покалывание в кончиках пальцев. Как назло, столбик термометра держался на отметке «сорок пять», а ведь холодный пот и так струился по его спине – пришлось даже сменить рубашку прямо в машине. Несмотря на то, что у него в рукаве имелся непобиваемый козырь, Эндрю все же нервничал и мечтал о том, чтобы этот тяжелый день поскорее закончился. Он вернется домой, обнимет Хелен и детей, они вместе сядут ужинать... Почему, черт подери, он должен заниматься делами какого-то актеришки, который даже не заслуживает того, чтобы его имя упоминалось за столом?

– Итак, дамы и господа, мы собрались здесь по довольно неприятному поводу, – заговорил Пол Сатклифф, заместитель главы «Маунтлерой» Эдриана О’Малли.

Сам Эдриан молча сидел во главе овального стола из черного дерева. По его виду можно было подумать, что глава студии спит, но предположить такое значило бы совершить огромную ошибку. Несмотря на кажущееся безразличие, О'Малли выслушивал мнения всех очень внимательно, а потом единолично принимал решение.

– Роуэн Смайт в очередной раз сошел с катушек, – продолжал Пол, и люди, сидевшие вокруг стола, начали переглядываться.

– И что из этого? – подал голос Артур Дарэм, видный член совета директоров. – Слава богу, времена Кэтрин Хепберн и Пола Ньюмана ушли в прошлое: теперь любой актер так же заменим, как и одноразовый шприц!

Раздались сдержанные смешки: упоминание о шприце в сочетании с именем актера и в самом деле выглядело более чем уместным.

– Не в этом случае, – спокойно возразил Сатклифф. – Действительно, в наши дни, когда некоторые компьютерные персонажи намного превосходят по популярности живых людей...

– И возни с ними гораздо меньше: нарисовал – и собирай себе дивиденды! – хохотнул еще один член совета, Иен Ламарк. – Есть они не просят, условий не выдвигают...

– Дозы не требуют, дебошей не устраивают! – мечтательно подхватила его жена.

– Все это прекрасно, – кивнул Пол, обводя присутствующих мрачным взглядом. – И все же, господа, Роуэн – единственный за последнее десятилетие актер, чье имя в чартах держится на первом месте вот уже тридцать два месяца подряд, и этот факт, как вы понимаете, игнорировать нельзя.

– Как долго он еще сохранит человеческий облик? – задал резонный вопрос Тим Коэн, правая рука О'Малли: несмотря на то, что должность его заместителя занимал Сатклифф, все прекрасно знали, что настоящим советчиком главы «Маунтлерой» является именно этот неприметный человек с редющей шевелюрой и цепким взглядом маленьких серых глаз. – Роуэн и в самом деле актер большого, я бы даже сказал великого, дарования...

- И экстраординарных внешних данных! - поддержала его жена Ламарка.

- Большую часть которых оплатили мы, - тут же парировал ее муж, охлаждая восторженность женщины.

- И все же он - отработанный материал, - сказал Коэн, воспользовавшись возникшей в разговоре паузой.

- Мы не имеем права так думать! - воскликнул Пол, стукнув кулаком по столу. - Студия успешно торгует Роуэном Смайтом, многие, между прочим, считают, что Роуэн Смайт и есть студия!

Все замолчали и, не сговариваясь, посмотрели на О'Малли: как он отреагирует на такие слова? Но глава студии продолжал сидеть, скрестив руки на животе и опустив глаза вниз, словно изучая соблазнительные изгибы фигуры одной из нимф, поддерживающих ножки антикварного стола.

- Мне не должны так думать, - продолжал Пол более тихим голосом, - потому что в Роуэне еще есть потенциал. Мы заключили с ним контракт на двадцать картин, три из которых находятся в производстве, и в наших интересах, чтобы машина продолжала работать! Миллионные контракты на рекламу, линию одежды и эксклюзивную марку автомобилей - вот лишь малый перечень того, что мы потеряем, если откажемся от Роуэна Смайта. Вы согласны утратить так много? Более того, в последнем контракте, стараниями его адвоката, прописан пункт, по которому студия, в случае одностороннего разрыва соглашения по ее инициативе, должна будет выплатить актеру невероятные отступные!

- Парень - торчок! - возразил Иен. - Скоро он превратится в развалину, и никто глядеть на него не захочет!

- Пока что мировые рейтинги говорят об обратном!

- Хорошо, что вы предлагаете?

Голос главы студии прозвучал как гром среди ясного неба.

– Вы привели достаточно вариантов и в пользу того, что Роуэна Смайта следует выбросить из киноиндустрии, и того, что он еще может нам послужить. Остается вопрос, который и заставил нас всех сегодня здесь собраться: что делать? Не забывайте, что, если мы решим бороться за Роуэна, а вместе с ним и за вложенный в него капитал, то действовать нужно тихо.

– Тихо? Это с Роуэном-то?! – взвизгнул Йен. – Да он даже в туалет не может пойти, чтобы за ним не увязалась парочка пятнадцатилетних поклонниц и целый легион папарацци!

– Существует куча клиник, – заметил Тим.

– Об этом тут же пронюхают СМИ, а значит, и наши акционеры, и конкуренты – нет такой лечебницы, куда не ступала нога бульварной прессы!

И тут начался настоящий восточный базар, потому что каждый стремился отстоять собственную точку зрения. Глава студии никому не мешал высказывать даже самые идиотские способы решения проблемы, наблюдая за происходящим из-под полуопущенных век. Наконец очередь дошла и до Эндрю. Понимая, что этот момент может стать как его полным провалом, так и настоящим звездным часом, он прокашлялся и произнес:

– Мне кажется, я нашел решение, которое вполне устроит всех...

Январь 2010 года, Индия, дворец князя Яша Вардана в Ути

– Эта дрянь обесчестила семью! И не говори мне, что я не прав: слишком долго мы оба попустительствовали этой... этой...

Князь бушевал уже минут десять, и его словарный запас уже почти исчерпал себя. За это время не было такого ругательного слова, которым бы он не наградил свою непутевую дочь. Жена тщетно пыталась унять гнев главы семейства, ведущего свою родословную от раджпутов и по праву гордившегося ее длиной. Репутация рода Варданов оставалась столь же незапятнанной, как и священные воды Ганга – до сегодняшнего дня.

Конец двадцатого века дался тяжело всем княжеским родам, и Варданы не стали исключением. Их считали пережитками прошлого, и праздная жизнь многочисленных отпрысков этих семейств только подтверждала данный факт. Но Яш, в отличие от своих высокородных братьев по несчастью, быстро понял, что нужно что-то делать, если он хочет остаться на плаву. Многие считали предпринимательскую деятельность как нечто стоящее ниже их достоинства, предпочитая по-прежнему обирать обнищавших арендаторов. Яш Вардан придерживался иного мнения. Он распродал часть своих довольно обширных владений и занялся гостиничным бизнесом. Два из шести дворцов, пришедших в упадок за годы без ремонта, превратились в шикарные отели, на территории которых располагалось все, о чем только можно мечтать, – гольф-клубы, бассейны, СПА-центры и тому подобное. На эти первичные доходы Яш взялся за ремонт других четырех дворцов. В одном из них, расположенном в прекрасном горном курорте в Ути, в данную минуту и имел место этот скандал. Построенное в середине восемнадцатого века, это монументальное сооружение представляло собой образец изощренного и вдохновенного мастерства и впечатляло своими огромными куполами, изящными арками, башнями, колоннами с причудливыми узорами и резными орнаментальными балконами.

Виновница семейного скандала сидела на одном из длинных, обтянутых дорогой материей диванов и хлюпала носом. Делала она это в основном из уважения к традициям, прекрасно понимая, что отец никогда не причинит вреда любимой дочке. Рани было двадцать два года, и ее стиль жизни не имел ничего общего с тем, к которому привыкли стены княжеской резиденции. Девушка училась в университете в Мумбае, с головой окунувшись в студенческую жизнь, включающую, помимо учебы, никогда не занимавшей главенствующего места в ее душе, бесконечные дискотеки и вечеринки. Уследить за дочерью на расстоянии не представлялось возможным.

– Надо было выдать ее замуж в восемнадцать лет – и никаких университетов: сейчас бы уже внуков нянчили!

– Яш, это же средневековье какое-то! – снова попыталась вмешаться жена. Амиша Вардан являла собой классический образец индийской супруги – послушной, ласковой и разумной. Именно такой ожидал увидеть Яш и свою дочь, но Рани привыкла к европейскому образу жизни, за который теперь предстояло расплачиваться всей семье, включая ее младших братьев и в особенности сестер.

– Аллах! – воздев руки к небу, продолжал кричать князь, бросаясь из одного угла обширного помещения в другой. – А я ведь уже сговорил ее за Арджуна, сына Джитендры Пателя, разве он теперь согласится взять ее, с брюхом-то?!

Рани в очередной раз громко шмыгнула носом и сделала вид, что вытирает слезы подолом сари. Господи, какое же неудобное это сари – не то что джинсы и футболки, которые она обычно носит! Арджун Патель, как же – да ни за какие сокровища мира она не вышла бы за этого прыщавого парня, пусть его папаше и принадлежит половина побережья Гоа! Кроме того, кто он, собственно, такой? У нее как-никак голубая кровь, она – княжна Вардан, а эти Патели вышли из грязи, но так и мечтают породниться «с титулом»! Прикрыв глаза, Рани представила себе обнаженное стройное тело Вишала и едва удержалась от плотоядного вздоха – вот кто должен бы стать ее мужем! Нет, отец никогда на это не согласится, ведь отец Вишала – всего лишь профессор в университете, живет на одну зарплату...

Вновь открыв глаза, девушка посмотрела на Амиттту. «Черт, эта семейная сцена слишком затянулась, ма, пора тебе что-то сделать!» Занятые ссорой, все трое почти забыли о том, что в комнате присутствует еще один человек: брат Амиши, Винод-бабу. Будучи в семье приживалом, шурина Яша Вардана никогда не обладал правом голоса. Он пользовался счетом Варданов в банке и жил в помещениях дворца, а за это ему предписывалось вести себя сообразно правилам, установленным главой рода. Поэтому и сейчас он не вмешивался, с интересом наблюдая за племянницей и спокойно покуривая дорогую сигару «Оливерос». Коробки доставлялись каждый месяц прямо из Доминиканы. Сколько это стоило? А черт его знает – Винод-бабу никогда не принимал во внимание подобные мелочи: ведь за все платит шурина. «Вот бесстыжая! – думал он почти что с восхищением. – Напакостила, а ведет себя так, словно это не она, а все здесь именно ей что-то должны!»

– Винод, – протянув к нему руку в жесте отчаяния, воскликнула между тем Амиша, – ну сделай же что-нибудь! Почему ты молчишь?

– Прости, дорогая сестра, – с преувеличенно тяжелым вздохом ответил он, – но твоего уважаемого мужа очень трудно перекричать!

– Ты говоришь так, Винод-бабу, словно мы обсуждаем покупку новых штор для гостиной, а не то, что наша дочь – княжна Вардан, между прочим! — залетела от какого-то плебея! – рявкнул князь.

Аккуратно притушив докуренную сигару в золотой пепельнице, Винод-бабу спокойно произнес:

- Думаю, вы зря волнуетесь. На самом деле нам лишь предстоит решить, хотим ли мы появления маленького Вардана или предпочтем вернуть семье Рани-девственницу.

- Что ты мелешь?! - не понял его Яш, но в его словах, помимо гнева, прозвучал интерес: возможно, в этот - единственный - раз Винод-бабу и в самом деле может оказаться хоть чем-то полезен?

- Я хочу оставить ребенка! - заявила Рани, но на нее никто не обратил внимания: взгляды отца и матери обратились на Винода-бабу, впервые в жизни почувствовавшего себя значительной персоной.

- Ты говоришь об... аборте? - боязливо переспросила Амиша.

- Это - только ваше решение, - ответил он.

- Разумеется, аборт! - воскликнул князь. - Иначе как я потом сумею сбегать эту бесстыдницу замуж?! Только как ты прикажешь осуществить эту операцию? За нашей семьей охотятся фотографы и журналисты - хватит уже тех снимков во всех национальных газетах и статей с заголовками типа: «Демократизация магараджей» и «Принцесса и нищий»! Куда бы мы ни поместили Рани, ее разыщут, и семья будет опозорена навеки! А ты представляешь, что ждет ее сестер? Ну ладно, братья - они все же мужчины, и на них это пятно ляжет лишь постольку-поскольку, но девочки...

- Может, пригласим акушерку на дом? - предложила Амиша несмело.

- На дом?! О Аллах, в уме ли ты, женщина?! На следующий день все узнают, что дочери князя Вардана сделали аборт прямо в его дворце - или у тебя есть на примете слепоглухонемая акушерка?

- Я хочу этого ребенка! - упрямо подала голос Рани, ничуть не смущаясь тем, что ее обсуждают в ее же присутствии, словно это именно она - слепоглухонемая.

- Замолчи! – заорал князь, но Амиша неожиданно поддержала дочь:

- Это же опасно, ты знаешь, дорогой: у Рани может больше никогда не быть детей!

- И хорошо – эта дрянь недостойна их иметь! – гневно отозвался Яш.

- Погодите, погодите, – успокаивающим тоном прервал их пикировку Винод-бабу, чувствуя, что инициатива от него ускользает. – Кажется, у меня есть отличное решение нашей проблемы – и все останутся довольны!

Декабрь 2011 года, Париж, рю де Риволи

Арман Жюбер отвернулся от окна. Там, на улице, царило предрождественское оживление, люди бежали в разные стороны по своим делам, озабоченные покупкой подарков для родственников и друзей, мечтая сэкономить пару евро на уже начавшихся распродажах. Из его окна открывался прекрасный вид на Эйфелеву башню, справа находился Лувр, и ему-то не нужно экономить! Какая несправедливость: он, Арман Жюбер, один из богатейших людей Европы, имеющий возможность скупить все эти магазины – вместе со всем персоналом и посетителями, – лишен удовольствия поучаствовать во всеобщей предпраздничной суете!

Вошла Сильви, как всегда, улыбаясь. Эта девушка – настоящий персик, и каким только ветром ее занесло в сиделки? Конечно, Арман хорошо ей платит. Господи, ему всего-то сорок семь, а он даже не может позволить себе прикоснуться к девушке! Да какие там касания – у него возникает одышка от любого движения, а он еще думает о сексе...

Сильви поправила капельницу и вновь улыбнулась:

- Ну, месье Жюбер, как мы сегодня?

Он едва заметно поморщился, в душе ненавидя эту манеру сиделки обращаться к нему во множественном числе первого лица. «Мы»! Какие еще «мы»?! Она выйдет отсюда легкой походкой, накинув на плечи шубку из песка, купленную на его деньги, и отправится по магазинам вместе с подругами или пойдет

ужинать с кавалером, а он, Арман Жюбер, прикованный к этой комнате и этой постели, вечно будет вынужден глазеть из окна на проходящих мимо него счастливиц. И, самое главное, он должен делать вид, что все отлично, ведь его деловые партнеры ни в коем случае не должны заподозрить, что дела его идут плохо.

– И сколько мне осталось, док? – спросил Арман, впервые услышав свой диагноз. Он прозвучал страшно, но Жюбер привык думать, что с его деньгами ему не страшна ни одна болезнь в мире.

– Мне очень жаль, месье Жюбер, – серьезно, без тени улыбки ответил врач-кардиолог. – По самым благоприятным прогнозам, меньше полугода...

Арман прошел все стадии – от отрицания до принятия своего диагноза, но все равно никак не мог смириться с тем, что, скорее всего, для спасения собственной жизни ему ничего сделать не удастся.

– Понимаете, у нас очень мало времени, – говорил врач, и в ушах Армана его слова отдавались многоголосым эхом. – Даже если вас разместить в национальной базе реципиентов, ожидающих доноров, нет никаких гарантий, что подходящее сердце появится в течение такого короткого времени... Хотя я непременно это сделаю, независимо от количества шансов...

Шансов! Анри отлично знал это слово. Он всегда просчитывал свои «шансы» на двадцать, на тридцать ходов вперед, и именно поэтому небольшое состояние, доставшееся ему от отца, вначале удвоилось, затем утроилось, а теперь во всей Франции вряд ли найдется человек, способный тягаться с Арманом Жюбером в финансовом плане. Но даже это не могло ему помочь, и в этом-то как раз и крылась горькая ирония ситуации.

Сильви попрощалась и ушла. Роскошный пентхаус опустел, и Арман вновь оказался в одиночестве. Может, зря он развелся с последней женой? А может, и с первой – тоже? По крайней мере, сейчас он находился бы в кругу семьи... Смешно! Арман всегда считал, что у него все еще впереди, что он успеет устроить свою личную жизнь раз и навсегда, станет почтенным отцом семейства – ведь ему только сорок семь! А теперь, похоже, ему так и не исполнится сорок восемь.

Неожиданно сработал звуковой сигнал в стоявшем на столе ноутбуке, с которым Арман не расставался ни днем ни ночью: пришло сообщение. Он ждал трансфера из банка в Новой Зеландии, но это оказалось письмо от доктора Лагранжа. Текст сообщения был коротким: «Не волнуйтесь. По-моему, у меня есть решение!»

На мой взгляд, нет ничего прекраснее южного звездного неба. Это незабываемое зрелище. Стоит поднять голову, и глаза распахиваются от изумления при виде несметного количества звезд, разбрызганных по небу, словно бриллианты самых разных размеров. Одни сверкают ярче, другие светят более тусклым светом, и трудно себе представить, что в тот момент, когда этот мерцающий свет доходит до Земли, некоторые из этих звезд уже мертвы, а мы все продолжаем любоваться оставшейся после них красотой. Астроном из меня никакой, но это вовсе не значит, что я не в состоянии оценить увиденное.

Наверное, я могла бы часами стоять вот так, с запрокинутой головой, любясь звездами, но тут чьи-то тихие шаги нарушили мое мечтательное настроение.

– Я принесла вам кофе, абла[1 - А б л а – сестра (араб.)].]

– Спасибо, Нур, – улыбнулась я, принимая из рук медсестры горячую чашку и с удовольствием вдыхая запах отлично заваренного напитка.

Нур стала первым человеком на «Панацее», с кем я подружилась. Удивительно, но, несмотря на различия в воспитании и культуре и заметную разницу в возрасте, мы как-то сразу потянулись друг к другу.

Попивая кофе, я украдкой разглядывала молодую женщину. Никто не назвал бы Нур красавицей, но ее простое лицо с гладкой кожей и голубыми глазами было очень приятным. В первый момент мне показалось странным то, что девушка, носящая традиционный мусульманский наряд, состоявший из хиджаба и абайи, так мало похожа на арабку, – я, с моими черными глазами и волосами, гораздо сильнее напоминаю уроженку южных широт, нежели светловолосая Нур! Ну, она, конечно, не вполне блондинка, но все же светло-каштановые волосы – черта, достаточно редко встречающаяся у представителей ее национальности. Несмотря на приверженность мусульманским традициям, моя новая подруга отличалась веселым нравом и была страшной хохотушкой. В первый же день пребывания на борту «Панацеи» я узнала, что мать Нур родом из Дамаска, но ее отец – иорданец, поэтому семья девушки жила в Акабе, в одном из популярных

курортов на Красном море. Возможно, из-за этого, несмотря на суровое традиционное воспитание, по своему характеру Нур сильно отличалась от большинства восточных женщин – она была более свободной в общении, открытой для всего нового.

– Это – созвездие Южный Крест, – между тем мечтательно проговорила девушка, указывая на звездное небо. Я проследила за ее жестом и действительно увидела четыре особенно ярких звезды, образующих подобие креста. – А это, – продолжала она водить по небу пальцем, как по карте, – созвездия Центавра и Мухи. Вон там, – она махнула рукой влево, – находится туманность Угольный Мешок – смешное название, да?

– Откуда ты столько знаешь о звездах? – удивилась я, ведь Нур вовсе не производила впечатления светоча знаний и, как мне до сих пор казалось, являлась вполне заурядной представительницей своей нации – с точки зрения образования.

– Мой муж их изучал, – ответила она, сразу помрачнев.

– Муж?! – изумленно воскликнула я, глядя на девушку, словно впервые ее увидев. – Сколько тебе лет?

– Двадцать один, – ответила Нур. – Я вышла замуж в шестнадцать и прожила с Омаром три года. Потом мы развелись.

– Развелись?

Я не очень-то сведуща в исламских традициях, но даже мне известно, что до сего дня в мусульманском мире развод – явление из ряда вон выходящее.

– Омар – плохой человек, – спокойно, безо всякого выражения продолжала Нур. – Он был на двадцать лет старше меня, привлекательный вдовец, и поначалу мне нравилось, что он так много знает и может столько всего рассказать.

Он преподавал физику и астрономию в Университете гражданской авиации имени Королевы Нур...

- Нур?! - не сдержавшись, переспросила я.

- Ну да, - криво усмехнулась молодая женщина, - и меня так зовут - это весьма распространенное у нас имя. Мне льстило, что я стану женой такого важного человека, да и он до свадьбы хорошо ко мне относился. Все, что он мне рассказывал, он говорил именно до свадьбы - наверное, в то время Омар хотел казаться человеком добрым и внимательным... Потому что на самом деле он вовсе не такой.

Я взглянула в прозрачные глаза Нур, отражавшие свет луны и звезд, и поразились внезапной перемене, произошедшей с ее обычно открытым, простодушным лицом. Сейчас моя юная подруга выглядела по меньшей мере лет на десять старше своих лет, и я не знала, как вернуть прежнюю Нур, с которой мне было так легко общаться. Однако она сама мне помогла, сказав:

- Ну ничего, зато теперь я свободна и могу делать что захочу. Отец позволил мне закончить колледж медсестер, и я теперь ни за что не пропаду, да?

- Конечно, Нур! - тепло сказала я, сжав в руке ее прохладную ладонь.

- И больше ни за что не выйду замуж, - продолжала она уже более веселым тоном. - Я сама себе хозяйка, зарабатываю деньги и кое что могу себе позволить в этой жизни - совсем как вы, абла! Как бы я хотела стать врачом...

Слова девушки вернули мои мысли к событиям, предшествовавшим моему удивительному путешествию на борту этого корабля.

* * *

С тех пор как меня уволили из Отдела медицинских расследований, я откровенно маялась от безделья. И это несмотря на другие два моих занятия, оставшиеся при мне: преподавание в Первом меде и работу в собственной больнице, где я занимаю должность старшего анестезиолога отделения. Андрей Лицкявичус, бывший глава Отдела, перенес серьезную операцию и оказался отстранен от дел на неопределенный срок, а человек по фамилии Толмачев, пришедший на его место, отвратительный тип, спал и видел, как бы расформировать вверенную ему организацию! У него это почти что получилось[2

- Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Шоковая терапия».]. Леонид Кадреску, наш патологоанатом, подал заявление об уходе, а потом у Толмачева появилась отличная возможность избавиться и от меня. Последнее расследование, не санкционированное новым шефом и проводимое исключительно на добровольных началах, позволило ему объявить о моей «профнепригодности» и выгнать с треском. На самом же деле, думаю, все обстояло несколько иначе. Толмачев вбил себе в голову, что мы с Лицкявичусом – любовники. Поэтому, очевидно, он решил, что я представляю для него угрозу, как его шпион, а потому должна уйти.

Никто так не радовался моему увольнению, как Олег Шилов, мой благоверный. Он надеялся, что увлечение расследованиями у меня пройдет, как только двери пресловутого ОМР захлопнутся перед моим носом. Он просчитался. Последние несколько лет я питалась чистым адреналином, который впрыскивался в мою кровь во время работы с делами Отдела. Теперь мне страшно этого не хватало, и я просто не представляла, чем себя занять! Кончилось тем, что я с остервенением налегла на английский, который начала изучать в позапрошлом году, и вместо двух вечеров в неделю стала посвящать языку уже четыре. Кроме того, я пошла на фитнес. Спорт не входит в круг моих излюбленных занятий, как ни пытался Олег заинтересовать меня йогой, которой увлекается сам, у него ничего не получилось. Однако теперь, имея свободного времени больше, чем нужно, я решила, что пора мне наконец заняться собственным телом. Проблем с лишним весом у меня никогда не возникало – главным образом потому, что с институтских времен я привыкла держать себя в жестких рамках и время от времени «посиживать» на диете, чтобы избавиться от лишних калорий. Однако к сорока годам начинаешь замечать, что кожа постепенно теряет эластичность, мышцы утрачивают упругость, а суставы – былую подвижность. Необходимо было срочно принять меры, пока не стало слишком поздно, поэтому я и занялась фитнесом с тем же рвением, с каким раньше его избегала.

Олег меня просто не узнавал. «Знаешь, – как-то сказал он, – мне кажется, тебе вот что важно: чем бы ни заниматься, лишь бы поменьше находиться дома». Да кто бы говорил! Шилов проводит на работе по восемнадцать часов в сутки, являясь заведующим отделением травматологии и ортопедии в той же больнице, где работаю я. Но, разумеется, в тех случаях, когда ему случается попасть домой пораньше, он желает видеть там свою супругу. Я и правда предпочитаю активные действия сидению в четырех стенах – хватит, за двадцать лет своего предыдущего замужества я наелась «семейного счастья» по самое темечко! Теперь у меня взрослый сын, новый муж – и совершенно новая жизнь, которой можно только позавидовать. И все же я чувствовала себя более

счастливой, работая в Отделе, выполняя полезную и нужную, а иногда, что уж тут скрывать, и откровенно опасную работу. Вот и сегодня я с тоской думала о том, что, возможно, совершила ошибку, позволив Толмачеву так легко со мной расправиться. Ведь могла же я пойти напрямик к вице-губернатору Кропоткиной, которая и «подрядила» меня в ОМР, и пожаловаться на несправедливое обращение. Гордость не позволила мне этого сделать, а сейчас уже поздно что-то менять: если не позвали обратно за два месяца, прошедшие со времени моего ухода, значит, уже и не позовут никогда.

Приняв душ, я переоделась в раздевалке спортивно-развлекательного комплекса, где проходили занятия, и направилась в кафе: все-таки сейчас середина декабря, не стоит выходить разгоряченной на десятиградусный мороз. Я намеревалась выпить чашечку капучино, а уже потом двинуться домой. От комплекса до дома пять минут ходьбы, так что к возвращению Шилова я как раз успею разогреть ужин. Однако стоило мне взять чашку кофе и усесться за один из дальних столиков у окна, откуда открывался вид на стоянку и шоссе, как я услышала чей-то интеллигентный голос:

– Простите, Агния Кирилловна, я могу здесь присесть?

Подняв глаза, я увидела мужчину средних лет, в стильном черном пальто, из-под которого элегантно выглядывало кремовое кашне. Он был невысок, коренаст и широкоплеч, с короткой стрижкой, седеющими темными волосами, в очках.

– А вы кто, простите? – настороженно поинтересовалась я.

Он не спросил: «Вы – Агния Кирилловна Смольская?», а сразу обратился ко мне по имени, совершенно уверенный в том, что не ошибся.

– Меня зовут Илья Константинович Еленин, – представился незнакомец, присаживаясь и расстегивая пальто. – Я представитель Национального центрального бюро Интерпола в России, НЦБРос, а точнее, руководитель отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями.

– Интерпол? – удивилась я. – Не знала, что эта организация...

– ...работает и в России? Ну да, как видите, – и он извлек из внутреннего кармана удостоверение. Я внимательно изучила его и пришла к выводу, что «ксива»

подлинная – со всеми положенными печатями, водяными знаками и голограммами.

– А вы не оставляете важные мелочи на волю случая, да? – усмехнулся Еленин, и в его голосе послышалось одобрение. – Это хорошо. Позвольте, я немного расскажу вам о том, чем мы занимаемся?

Приняв мое молчание за согласие, он продолжил:

– Не стану утомлять вас излишними подробностями, Агния Кирилловна. Скажу лишь, что Россия является участницей почти всех универсальных международных договоров по борьбе с международной преступностью, в том числе Единой конвенции о наркотических средствах, Конвенциях о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, о психотропных веществах и о борьбе с торговлей людьми.

– Seriously! – не удержалась я от замечания.

– Вы правы – серьезнее не бывает. На самом деле мы – довольно молодая организация: Россия вступила в Интерпол только в начале девяностых годов. Через несколько месяцев после этого в составе МВД СССР было создано Национальное центральное бюро, которое в документах Интерпола именуется так: Интерпол-Москва.

– Значит, вы из Москвы?

– Да, но центральная штаб-квартира находится в Лионе, и именно там располагается «электронный мозг» Интерпола, позволяющий одновременно обрабатывать до двухсот пятидесяти тысяч досье. В него заложена вся имеющаяся в распоряжении организации криминальная картотека. Благодаря ей Интерпол может в считанные секунды выдать по запросу любой страны-участницы полное досье на любого из ста двадцати тысяч преступников, чьи имена заложены в память ЭВМ. Несмотря на то, что страны объединены в одну организацию, каждое Национальное бюро создается и действует, а значит, и подчиняется структуре органов внутренних дел собственного государства. Таким образом, конкретно мы подчиняемся МВД России. Каждое НЦБ участвует в международном сотрудничестве только в пределах, разрешенных национальным законодательством страны, но, как часть организационной

структуры Интерпола на территории страны, Бюро представляет и его интересы. Поэтому именно оно организует исполнение просьб, поступающих по каналам связи Интерпола от НЦБ других стран и от Генерального секретариата. В настоящее время наше НЦБ осуществляет взаимодействие с восьмьюдесятью тремя государствами мира. Помимо МВД, по международной линии мы подчиняемся Генеральной ассамблее Интерпола. Чтобы как-то проиллюстрировать нашу работу, приведу конкретный пример. Несколько лет тому назад китайские гангстеры грабили своих соотечественников в поездах на Транссибирской магистрали. Поскольку бандиты нападали на «своих», они долгое время оставались вне поля зрения российской милиции – до тех пор, пока МВД не направило на поезд Пекин – Москва группу захвата, в результате чего арестовали около двух десятков человек. Операцию провели в тесном сотрудничестве с НЦБ Китая.

– Все это, без сомнения, очень интересно, – сказала я, когда Еленин ненадолго прервался, – но зачем вы все это рассказываете мне?

– Я как раз подошел к сути дела, Агния Кирилловна. Есть один корабль под названием «Панацея». Он ходит под флагом Саудовской Аравии и принадлежит вдове одного из шейхов этой страны, принцессе Сулеме Абдель Азиз ас-Сауд. Судно курсирует исключительно в нейтральных водах и никогда не заходит в порты других стран.

– Что означает термин «нейтральные воды», я не совсем понимаю?..

– Пространства морей и океанов, простирающиеся за пределами вод территориального моря и не входящие в состав территории какого-либо государства, называются «открытым морем», – пояснил Еленин. – Это и есть нейтральные воды. Главным по отношению к ним является принцип «свободы открытого моря», который в настоящее время понимается не только как свобода судоходства, но и как свобода прокладки по дну морей и океанов подводных телеграфно-телефонных кабелей, плюс – свобода рыболовства, полетов над морскими пространствами и так далее. Никакое государство не вправе претендовать на подчинение вод, входящих в состав «открытого моря», собственному суверенитету. Военные корабли и прочие суда – представители государственных некоммерческих служб, – находясь в водах «открытого моря», подчиняются власти только того государства, под флагом которого они ходят. Это называется юрисдикцией флага. Исключением из этого правила является право иностранного военного корабля при наличии определенных оснований

остановить и осмотреть чье-либо судно в «открытом море». Я доходчиво объяснил?

- Вполне, только я все равно не...

- Сейчас вам все станет ясно, - прервал он меня. Это прозвучало бы довольно-таки грубо, если бы реплика не сопровождалась доброжелательной улыбкой. Поэтому я решила подождать и выслушать этого странного человека до конца.

- Вы работали в ОМР, Агния Кирилловна, все верно?

Я кивнула, вновь насторожившись:

- Вас прислал ко мне Андрей Эдуардович?

- Лицкявичус? Нет-нет, - покачал головой Еленин. - Он не в курсе дела. Видите ли, Агния Кирилловна, проблема, ради которой я вас разыскал, не просто серьезная, но и секретная, а потому я вынужден попросить: даже в случае, если вы откажетесь нам помогать, этот разговор должен остаться только между вами и мной.

Ох, не нравится мне такое начало... Или я вру - как раз нравится? Я уже и сама перестала понимать, чего хочу в этой жизни - покоя и благополучия или адреналина и приключений! Как бы там ни было, при последних словах Еленина я почувствовала, как по всему моему телу пробежала дрожь ожидания и предвкушения чего-то интересного.

- Хорошо, - ответила я. - Так какое отношение к вашему делу имеет ОМР?

- На самом деле никакого. Совсем наоборот: я обращаюсь к вам именно потому, что вы уволились из этой организации и, как я понимаю, сейчас свободны.

- Ну, не совсем, - возразила я, чтобы Еленин не подумал, что мне совершенно нечем заняться. - Я работаю в больнице и...

- И в Первом медицинском университете - я знаю. Я имел в виду, что вы больше не состоите в Отделе.

- Это так.

- Планируете вернуться туда в ближайшее время?

- Только не при Толмачеве!

- Тогда позвольте мне перейти прямо к делу.

Давно пора!

- Так вот, о «Панацее». Это, в сущности, плавучий госпиталь.

- Почему я никогда о нем не слышала?

- Это весьма засекреченный объект. Его владелица не афиширует свою собственность, а все работники на борту судна дают подписку о неразглашении. В случае нарушения подписки им грозят дорогостоящие судебные иски, поэтому еще никто ни разу не рискнул этого сделать.

- А к чему все это? - с недоумением спросила я. - Ну, госпиталь, ну, плавучий - что тут такого?

- Я ведь не просто так рассказал вам о нейтральной водах, Агния Кирилловна. То, что «Панацея» не заходит в порты, означает, что никакие законы, за исключением законов Саудовской Аравии, на его борту не действуют. Вы понимаете, что это значит?

Кажется, до меня начинает доходить...

- Никаких международных конвенций?

- Правильно!

Лицо Еленина осветилось, словно он был школьным учителем, а я - прилежной ученицей, которой удалось порадовать преподавателя отличным ответом на уроке.

– Вы только представьте себе, Агния Кирилловна: медицинское учреждение с полной свободой действий! – продолжал он воодушевленно. – Никаких законов, запретов, ограничений, только правила внутреннего распорядка – и все! Хозяйка «Панацеи» – и царь, и бог, с правом делать все, что ей вздумается, руководствуясь собственными понятиями об этике. Последнее дело, которое вы расследовали, касалось психиатрических препаратов, если я не ошибаюсь?

– Верно...

Наверняка я выглядела удивленной, ведь даже Толмачев не был в курсе того, чем конкретно мы занимались, а уж как Еленину удалось обо всем узнать – сплошная загадка!

– Думаете, на «Панацее» используют что-то в этом роде? – уточнила я.

– Не исключено, хотя наверняка мы не знаем. Возможно, на борту проводятся закрытые клинические испытания новейших препаратов, и, так как в нейтральных водах законы о лицензировании не действуют, лекарства пускаются в дело, можно сказать, нелегально. Если бы это случилось на твердой земле, к «Панацее» возможно было бы применить соответствующие санкции, а так – сами понимаете! Разрешено все – любые операции, экспериментальное лечение, стволовые клетки, плацента новорожденных, лечебная косметика, не требующая сертификатов, и, возможно, даже врачи, орудующие без лицензий.

– Просто медицинский рай! – мечтательно произнесла я.

– Многие с вами согласны, – вздохнул Еленин. – Попасть на борт «Панацеи» крайне сложно в качестве пациента и практически невозможно – в качестве сотрудника.

– Могу себе представить!

– Вряд ли, Агния Кирилловна, – усмехнулся Еленин. – Много лет агенты Интерпола пытались проникнуть на корабль и выяснить наконец, что там творится, однако почти все эти попытки провалились.

– А почему вообще «Панацеей» заинтересовался Интерпол? – спросила я. – Ну, занимаются они там... чем-то, кому какое дело? Люди, попадающие на борт в качестве пациентов, жаловались на что-то? Или сами врачи были чем-либо недовольны?

– Нет.

Ответ Еленина был исчерпывающим в своей краткости, поэтому я задала следующий вопрос:

– Вы сказали, что провалились почти все попытки проникнуть на судно, я правильно расслышала? Это означает, что какие-то все же удались?

– Вы схватываете на лету, Агния Кирилловна!

Черт, когда мне так говорят, я чувствую себя блондинкой из сериала «Друзья», которой каким-то чудом удалось надеть туфли, не перепутав левую и правую ноги!

– Точнее, – продолжал между тем Еленин, – успехом увенчалась лишь одна попытка, но Интерпол уже праздновал победу. Как вскоре выяснилось, рановато.

– А что произошло?

– Агент пропал – бесследно. С тех пор нам ни разу не удалось внедрить на «Панацею» своего сотрудника. Вы же понимаете, что к нему предъявляется много требований – он должен быть, желательно, и оперативным работником, и медиком, а это – большая редкость.

– Понимаю...

– Не считая нашего агента, за четырнадцать лет на «Панацее» пропали четыре человека.

– Кто же остальные?

- В девяносто девятом исчез кок, португалец Аугусто Матеуш. Два годами позже - Мэй Линг, официантка. Далее, в две тысячи пятом, - Джеймс Барроу, стюард, и уже совсем недавно - ваш коллега, врач-кардиолог Петер Ван Хассель, довольно-таки известная в медицинских кругах личность, между прочим.

- Погодите, - сказала я, - но почему же тогда на «Панацею» не напустили тот же Интерпол, не знаю... береговую охрану, наконец, и не выяснили, что там происходит?

- А основания, простите?

- Но люди же исчезли, так?

- К сожалению, они пропали не с борта судна, в этом-то все и дело. Все пропавшие вначале сошли на берег в разных портах мира. О том, что они не вернулись на корабль, каждый раз сообщалось лишь местным органам правопорядка. Те проводили расследование, но, судя по всему, не слишком тщательное, так как никаких следов исчезнувших людей им обнаружить не удалось.

- Есть какие-либо мысли, почему это произошло?

Еленин покачал головой:

- Последняя информация, поступившая от агента, выглядела крайне противоречивой. Вроде бы он что-то выяснил, но толком ничего не объяснил, пообещав предоставить более подробные сведения в следующий раз. Больше на связь наш человек не выходил.

- Вы полагаете, что его раскрыли? - спросила я.

- Скорее всего. В последний раз его видели сходящим на берег в порту Триполи.

Беседа прервалась, потому что Еленин, казалось, внезапно утратил желание говорить, а я задумалась над судьбой людей, так и не вернувшихся домой. Наконец мой визави подал голос:

– Сейчас у нас вновь появилась уникальная возможность отправить на «Панацею» своего человека. Анестезиолог, доктор Ладислас Ленски, пережил операцию на сердце, и ему запретили выходить в море... Как вы переносите качку, Агния Кирилловна?

– Нормально, в целом... Пойдите-ка, вы это о чем?

На лице Еленина читалось явное удовлетворение оттого, что я поняла его правильно, и у меня по позвоночнику забегали мурашки, и каждая мышца в теле, уже успевшем расслабиться после спортивных упражнений, натянулась как струна.

– Не-е-ет, вы же это не всерьез?!

– Как думаете, Агния Кирилловна, поехал ли бы я сюда из Москвы, просто чтобы рассказать вам о работе НЦБ?

Звучало резонно, но не менее... ненормально.

– Вы серьезно хотите отправить меня на эту «Панацею» в качестве... «засланного казачка»?! Но это же... Да просто чушь несусветная, вот что!

– Ну почему же? Вы – профессионал с отличной репутацией, работаете в хорошей клинике, имеете опыт оперативной работы, в том числе и под прикрытием, – в Светлогорской больнице.

Он и об этом знает! Я действительно работала в упомянутом учреждении здравоохранения в течение месяца, изображая медсестру. Воспоминания у меня остались самые тяжелые, да и ситуация едва не закончилась для меня фатально[3 - Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Пациент скорее жив», издательство ЭКСМО.].

– Кроме того, – не обращая внимания на мое замешательство, продолжал Еленин, – работая на Отдел, вы проявили себя как инициативный, умный и проницательный сотрудник, умеющий действовать в команде и в то же время способный принимать собственные решения в критической ситуации. Экипаж корабля – постоянный, там нет места для случайных людей, поэтому стюарды,

повара и прочий обслуживающий персонал, включая моряков и самого капитана, меняются крайне редко, и каждый человек проверяется самым тщательным образом. Что же касается профессиональных медиков, то они изначально вызывают гораздо меньше подозрений. То, что вы из России, также сыграет нам на руку, ведь на «Панацее» нет ваших соотечественников. Мы сможем «подправить» вашу почти безупречную биографию в интересах дела – и комар носа не подточит! Да, и еще один немаловажный фактор: вы владеете английским.

– Я?! Английским?! Да я только...

– Знаю-знаю, – недослушав, перебил мой собеседник. – Вы еще изучаете его, но уровень ваших знаний уже вполне достаточен для того, чтобы без проблем общаться с интернациональным экипажем «Панацеи» и с пациентами: можете не сомневаться, что многие из них говорят на этом языке хуже вашего.

– Вы сошли с ума: я категорически не согласна!

...Еленин отвез меня домой, несмотря на то, что я отказалась участвовать в его аванюре. Он повел себя как настоящий джентльмен, и я даже почувствовала себя последней сволочью, потому что не оправдала его ожиданий, подвела хорошего человека.

– Возьмите, – сказал он на прощание, протягивая мне простую белую визитную карточку. – Я пробуду в Питере еще двое суток. Звоните, если передумаете.

– Не передумаю!

Я уже шла к парадной двери, но вдруг обернулась.

– Что-то еще хотели спросить, Агния Кирилловна? – поднял кустистую бровь Еленин.

– Как его имя, вы можете мне сказать?

– Кого?

- Того агента, пропавшего...

- А-а... Его звали Сэф-Али Карахан. Но на борту он, разумеется, находился под другим именем.

- Разумеется!..

* * *

- О чем задумались, абла?

Вопрос Нур вернул меня к действительности.

- Я? Да так...

- Вы ведь замужем, да?

- Замужем.

Почему-то мне показалось странным, что здесь, за тысячи километров от дома, мы обсуждаем Шилова.

- Он хороший муж? - спросила молодая женщина. - Часто ли он вас бьет?

- Бьет?! Да ты что, как можно!

Представить Олега поднимающим на меня руку казалось просто невозможным.

- Омар бил меня, - тихо сказала Нур, опуская голову. - Но это не самое плохое - ведь все бьют время от времени, хотя в священном Коране сказано: «Обращайтесь с вашими женами достойно, если же они неприятны вам, то ведь может быть так, что Аллах неприятное вам обратит во благо великое!»

Удивительное дело, но по истечении каких-то двух суток моего пребывания на борту судна языковой барьер, которого я так боялась, практически перестал

напоминать о себе. В группе английского языка наша преподавательница Елена Красина прикладывала огромные усилия, чтобы нас «разговорить» – и все равно большинство моих одноклассников предпочитали письменные упражнения, открывая рот лишь в самых крайних случаях. Однако, оказавшись в безвыходной ситуации, волей-неволей мобилизуешь все свои знания и – о чудо – приходишь к выводу, что ты вполне способен свободно выражать свои мысли вслух! Как и говорил Есенин, на борту «Панацеи» не было россиян, зато я в первый же день познакомилась с двумя русскоязычными членами экипажа – Сашей из Минска, одним из коков, и старшим механиком Сергеем из Мариуполя, который сказал, что «внизу», то есть в машинном отделении, работают и ребята из Белоруссии и Молдавии. Оба они страшно обрадовались, что среди «привилегированного» сословия врачей на судне оказалась их соотечественница – ну, почти соотечественница, ведь за границей все жители некогда огромной советской империи – русские, к какой бы национальности они ни относились.

– Аяты[4 - А я т - самая малая единица текста Корана, «стих».] не разрешают жестокость, – продолжала Нур. – Они подсказывают, как разрешить деликатную семейную ситуацию с осторожностью и мудростью. Пророк Мухаммад, мир ему и благословение Всевышнего, объяснил слово «ударяйте» жен своих как «дарбан гайра мубарих», что означает – «легкий шлепок, не оставляющий следов». Он говорил, что женщину нельзя бить по лицу, а при Омаре я ходила вся в синяках, можете себе представить?!

Честно – не могла. Не могла я представить, что милую и кроткую Нур, с ее замечательной застенчивой улыбкой, можно ударить даже «легким шлепком», что бы там ни было написано в Коране! Хотя, попав на борт «Панацеи», я несколько пересмотрела свои взгляды по отношению к исламу вообще и к восточным женщинам в частности. Никогда не считала себя яркой феминисткой, хотя терпеть не могу и речей о том, что женщине никак нельзя без мужчины, каким бы никчемным и бездарным он ни был. Однако мысль о том, что мусульманские женщины практически совершенно бесправны, ужасала меня каждый раз, когда по телевидению мелькали сюжеты о правилах жизни в какой-нибудь из арабских стран. Традиционные мусульманки представлялись мне забитыми, испуганными существами, целиком и полностью зависящими от жестоких мужчин и обреченными влачить жалкое существование, только в смерти обретающими последнее избавление. Нур вначале несколько поколебала такое мое представление, но теперь меня шокировали ее откровенные признания.

– У вас, в России, мужчины совсем не бьют женщин? – с любопытством поинтересовалась она.

– Да нет, Нур, бьют, и еще как!

Я невольно содрогнулась, вспомнив одну историю, показанную по телевизору: о женщине, избитой мужем до смерти. Она вела дневник, в котором описывала мучения, которым он ее подвергал, бедняжка не знала, к кому обратиться за помощью, так как и милиция, и соседи, и родственники были в курсе происходящего, и ни один человек не предпринял ничего для ее спасения! Чем, в сущности, этот случай отличается от тех, какие, смакуя все подробности, тиражируют европейские и американские СМИ, выдавая их за «чисто исламские» обычаи?

– Я так и знала! – победно сверкнув глазами, воскликнула Нур. – Значит, дело не в Коране, не в религии, а в распушенности мужчин, не умеющих решать проблемы словесным путем, а потому предпочитающих рукоприкладство! Сам пророк, мир ему и благословение Всевышнего, никогда не бил женщин и говорил, что лучшие из мужчин – те, кто не бьет своих жен: «Как можно бить свою жену, будто верблюжонка, а потом обнимать ее?»

На мой взгляд, это звучало вполне разумно.

– Знаешь, – сказала я, слегка приобняв Нур за худенькие плечи, – думаю, во всех странах проблемы у женщин одни и те же. Достанется тебе хороший мужчина, значит, будешь жить счастливо, а выйдешь за плохого, и...

– Значит, тебе достался хороший, – вздохнула молодая женщина, глядя на меня снизу вверх: она была на добрую голову ниже. – А мне – плохой.

– Как же тебе удалось получить развод? У вас же это не очень-то принято, верно?

– Ну почему же? – пожала она плечами. – Сейчас это уже не редкость, как пятьдесят лет тому назад – люди разводятся, и инициаторами нередко выступают именно женщины. Но в моем случае все обстояло не так-то просто. Омар происходит из уважаемой семьи, и никто не верил, что он может избивать свою жену. Когда такое случалось, он запирал меня и не впускал в дом никого из

своих друзей и родственников, отговариваясь моим плохим самочувствием или занятостью. Так что увидеть следы избиений на моем лице и теле никто не мог, а в обычные дни я выглядела нормально и не имела доказательств жестокости Омара.

- Но правда ведь все равно выплыла наружу?

- Да. Однажды, когда у нас гостила моя мама, Омар в очередной раз не сдержался. Она вошла в самый неподходящий момент, когда муж, намотав на локоть мои волосы, бил меня лицом о косяк: я немного пересолила обед, и он таким образом выражал свое недовольство...

- Боже мой! - в ужасе прикрыла я рот рукой.

- Мой отец - не жестокий человек, - продолжала Нур. - Они с мамой иногда ругаются, даже кричат друг на друга, но он никогда не позволял себе поднимать руку ни на нее, ни на моих сестер или братьев. Мама набросилась на Омара и буквально отбила меня у него. Потом она позвонила отцу. Он приехал на следующий же день и забрал меня вместе со всеми моими вещами. Через несколько недель я получила бумаги о разводе и «отступные» от родни Омара. Больше я никогда с ним не увижусь - слава Аллаху!

- Воистину! - отозвалась я одобрительно: именно так и должны поступать хорошие родители, а иначе зачем они вообще нужны? - Не пора ли нам спать, Нур?

Взглянув напоследок на усыпанное звездами небо и еще раз мысленно отметив местоположение Южного Креста, я в сопровождении Нур направилась к лестнице.

* * *

Даже не знаю, как объяснить тот факт, что через три недели после моей первой встречи с Елениным я обнаружила себя на борту «Панацеи»! Я отказала ему сразу и, как мне тогда думалось, бесповоротно. Вышло, однако, так, что, с тех пор как мы расстались, я думала только о его предложении. Сама идея моего внедрения в интернациональный экипаж подозрительного судна казалась

неосуществимой просто потому, что я – совсем не тот человек, какой требуется для такого серьезного дела. Им нужна Зена – королева воинов или на крайний случай кто-то вроде Маты Хари. Я же – обычный российский анестезиолог, без каких-либо особых талантов, за всю свою жизнь едва ли имевшая возможность поговорить более чем с парочкой иностранцев! И тем не менее мой внутренний искатель приключений, поднимающий голову в самый неподходящий момент, уже не на шутку завелся. Дело кончилось тем, что следующим же утром я воспользовалась визиткой Еленина. Он, казалось, не ожидал моего звонка и сразу же предложил встретиться после работы.

Я даже не представляла, насколько быстро умеет работать бюрократическая машина, если это действительно необходимо. Еленин просто указывал, куда я должна пойти, и я шла, а потом все происходило как бы само собой! Я боялась лишь двух вещей: собеседования с представителем владелицы «Панацеи» и, в случае успеха – в котором я сильно сомневалась, – последующего разговора с Шиловым. Не знаю, что сделали Еленин и его бригада, но интервью с господином Шарафом Эль Дином прошло до странности гладко. Мы общались по скайпу прямо у меня дома. Судя по всему, господин Эль Дин по факсу уже получил всю документацию, касающуюся моей личности, и успел неплохо ее изучить. Врать мне практически не пришлось, только моя работа в ОМР не упоминалась в досье, а во всем остальном я вполне могла гордиться теми данными, какие узнал обо мне представитель принцессы Сулемы Абдель Азиз ас-Сауд. Эль Дин задавал мне вполне обычные вопросы, уточнял, насколько хорошо я знакома с собственным досье, а также спрашивал о моей семье: маме, муже и сыне. По выражению гладкого смуглого лица мужчины, которое я видела на мониторе, было похоже, что мои ответы ему нравятся, но выводы делать я не спешила. Честно говоря, мне все еще не верилось в то, что я затеяла, потому я и не могла представить себе успешного завершения этой авантюры. Считала, что, пройдя через все ступени «устройства на работу», благополучно получу отказ и вернусь к своим рутинным обязанностям. Поэтому я и подумать не могла ничего плохого о телефонном звонке, раздавшемся в девять часов вечера в пятницу. Трубку снял Олег и пару секунд спустя, округлив глаза, передал ее мне. Зазвучавшая на другом конце провода английская речь с сильным акцентом поначалу повергла меня в состояние шока, но потом я сообразила, что со мной говорит Шараф Эль Дин. Он сообщил, что я принята на работу. По условиям контракта, меня брали с испытательным сроком в три месяца. В случае, если я оправдываю надежды нанимателей, они продлевают контракт на год. Если же нет, мне оплачивают обратный авиабилет.

Повесив трубку дрожащей рукой и подняв глаза, я увидела устремленный на меня пристальный взгляд мужа.

– Может, объяснишь, с чего это тебе иностранцы названивают? – подозрительно поинтересовался он.

– Я... понимаешь, мне предложили... работу, Олег...

Конечно, надо было бы мне хоть мало-мальски подготовиться заранее, даже если я и не верила в успех этой затеи. Что ж, теперь придется импровизировать.

– Появилась возможность пару месяцев поработать на корабле, – сказала я, собравшись с духом.

– Пару месяцев?.. На корабле?.. Черт, Агния, а тебе не кажется, что я мог бы узнать об этом чуть пораньше?!

– Прости, я даже не представляла, что дело выгорит, ведь на это место столько кандидатов!

– Но ты ведь даже не пикнула! Не заикнулась об этом! – возмущенно воскликнул Олег, разводя руки в стороны. – Ни единым словом... Господи, это же просто заговор какой-то!

– Да? И кто же с кем сговорился?

– Не знаю, кто с кем, но точно уверен, против кого – против меня!

– Да брось, Шилов, пора бы тебе уже привыкнуть к тому, что я люблю разнообразие!

– Не знал, что тебе надоела твоя работа! Да уж лучше бы ты оставалась в этом своем ОМР – по крайней мере, на твердой земле и рядом с домом... Агния, это шутка?

Я покачала головой. Меньше всего мне хотелось огорчать Шилова – видит бог, он этого совсем не заслуживает, – но что я могла поделать? Приняв решение, уже

невозможно было передумать, ведь Еленин вложил в меня столько усилий! Одно дело, если бы меня отвергли потенциальные работодатели, другое – я, получив работу, отказалась бы сама, подставив при этом массу людей, потрудившихся ради моего успеха. Разумеется, Шилову не стоило ничего этого знать.

– Это совершенно новый опыт, понимаешь, Шилов? Я никогда не делала ничего подобного...

– Ты и в самом деле этого хочешь?

До сего момента я не была уверена полностью, но теперь ответила:

– Да!

– Я тебе надоел?

– Да нет же, Шилов! Вот посмотри-ка на себя: учился за границей, много путешествовал, а я? всю жизнь просидела на одном месте, нигде не бывала дальше Турции! Может, конечно, и поздновато начинать новую жизнь в сорок лет, но, с другой стороны, кто знает – вдруг для меня это единственный шанс попробовать что-то неординарное?

Остаток вечера ушел на уговоры и увещевания. Наверное, я потеряла несколько лет жизни за тот вечер. Олегу пришлось смириться с неизбежным: его жена твердо вознамерилась стать покорительницей морских просторов, и он ничего не мог с этим поделать. Мне удалось выторговать у Шилова три месяца – ровно столько длился испытательный срок. По правде говоря, я надеялась, что хватит и месяца, ведь в задачу, поставленную передо мной Елениным, входило лишь «проветилировать» экипаж «Панацеи» на предмет наличия людей, причастных к чьим-либо исчезновениям, и, если возможно, узнать, что вообще творится на борту. Насколько я поняла, больше всего Еленина и Интерпол интересовал доктор Ван Хассель, но он не счел нужным пояснить почему.

Вопрос с преподаванием в меде решился легко: семестр закончился, и я просто договорилась о том, что во второй половине года мои часы возьмет другой преподаватель. С больницей дело обстояло куда сложнее. Заведующая отделением анестезиологии и реанимации Охлопкова пришла в ярость, когда я объявила ей о своем решении взять длительный отпуск для того, чтобы

поработать врачом на иностранном судне. Я предполагала, что она, возможно, даже предложит мне написать заявление об уходе по собственному желанию, но Елена Георгиевна почему-то этого не сделала. Набушевавшись вдоволь, она все же дала мне разрешение, но предупредила:

- Не больше трех месяцев, Агния Кирилловна, иначе мне придется всерьез рассмотреть вопрос о вашей замене!

Я понимала, что Охлопкова оказала мне величайшую услугу, и ее доброе ко мне отношение сыграло в этом не последнюю роль. Вообще-то я терпеть не могу любое начальство, а потому стараюсь иметь с ним как можно меньше дел, однако Охлопкова является для меня исключением из правил. Я всегда уважала Елену Георгиевну за ее профессионализм и умение руководить персоналом без излишнего нажима и демонстрации силы. Главной отличительной (и отрицательной) чертой большинства руководителей является «игра мускулами», как я это называю: такой начальник вечно стремится продемонстрировать тебе, насколько ниже его ты по своему положению и возможностям, как мало значит твое мнение и до какой степени ты зависишь от его собственного настроения и расположения к тебе. Охлопкова же никогда не злоупотребляла своей властью по отношению к подчиненным, хотя и не боялась ее применять – в этом, по моему, и заключается успех любого по-настоящему хорошего начальника.

Дальнейшее все вспоминается словно сквозь туман... Я получила все необходимые документы и купила автобусный билет до Хельсинки, откуда самолетом должна была вылететь в Гонконг, с посадкой в Гамбурге. Шилов, перестав на меня дуться, принялся волноваться по поводу того, как же я доберусь. Лариска, моя подруга, узнав о моем скором отбытии, сказала только одно: «Дура!» Она имела в виду, что я, наверное, окончательно свихнулась, раз оставляю Шилова, такого «шикарного мужика», одного, без присмотра, и уезжаю «к черту на кулички» неизвестно «за каким рожном». На это я ответила Лариске, что я не на фронт ухожу, меня не будет дома всего-то пару месяцев, а если уж Шилов и в самом деле такой «шикарный», то он непременно меня дождется.

* * *

Расставшись с Нур, я приняла душ и уселась за ноутбук, подаренный мне Лениным. Это была последняя модель «Эппла», и я нарадоваться не могла

тому, как быстро он работал. Мобильный Интернет также явился подарком от Интерпола – точнее, от нашего родного НЦБ. Часы в углу экрана показывали половину двенадцатого. С тех пор как быстроходный катер подобрал меня в порту Гонконга и доставил на «Панацею», моя жизнь казалась мне самой какой-то нереальной, словно ее проживала не я, а совершенно другая женщина. Первым потрясением оказался невероятный размер судна: оно походило на огромный плавучий многоэтажный дом водоизмещением в семьдесят тысяч тонн. Чуть позже мне объяснили, что «Панацея» относится к самым роскошным пассажирским лайнерам класса «Оазис», построенном специально для медицинских целей и оборудованном по последнему слову науки и техники. Вместе со своими кораблями-«сестрами» «Оазисом морей» и «Океанским аллюром» «Панацея» являлась самым большим на сегодняшний день круизным кораблем, с шестнадцатью палубами и двумя тысячами человек команды, способным принять на борт более пяти тысяч пассажиров. Хотя, конечно же, максимальная наполняемость никогда не достигалась, ведь цель «Панацеи» – не просто катать народ по морям и океанам для их удовольствия, а оказывать клиентам медицинские и косметологические услуги, причем наивысшего качества. За очень короткий срок мне пришлось разобраться в огромном количестве незнакомых понятий и выучить кучу новых выражений – судовой отсек, бортовой отсек, камбуз, коффердам, машинное отделение, переборка, форпик... В первый же день на борту я заметила среди пассажиров-пациентов несколько знакомых мне по «мировому экрану» лиц – они разгуливали среди прочих граждан, словно простые смертные. Самые богатые предпочитали появляться на палубе как можно реже и получать все, что им требовалось, прямо в каюты. Кстати, обычные каюты предназначались для экипажа и медперсонала, все остальные относились к классу VTP. Здесь на каждом шагу можно было встретить шейха, принцессу или звезду Голливуда. Многие, оказавшись на моем месте, решили бы, что попали в рай, я же, напротив, внутренне как-то съежилась и напряглась, предчувствуя большие проблемы. Лишь теперь я по-настоящему поняла, что вдруг оказалась посреди океана совершенно одна, лицом к лицу с абсолютно незнакомыми и, возможно, даже опасными людьми.

Открыв свой новенький «Эппл», я вызвала Еленина по скайпу. Сейчас в Москве поздняя ночь, но Еленин почему-то находился в своем кабинете – слава богу, он хотя бы без галстука там сидел!

– Вы опоздали, Агния Кирилловна! – заметил он бесстрастно.

- Привыкайте, Илья Константинович, - ответила я. - Время на борту течет иначе, чем на твердой земле.
- Есть что-то интересное для меня? - поинтересовался он, проигнорировав мои слова.
- Так, кое-что. Во-первых, я познакомилась с молоденькой медсестрой по имени Нур - она может оказаться полезной.
- Отличное начало, - похвалил Еленин. - Еще что-то?
- Ну, старшая медсестра - отличная тетка, индианка, Сарика Шерават. Правда, сестринский персонал она держит в ежовых рукавицах, но они не жалуются, ведь такой зарплаты, какую платят на корабле, им в жизни больше нигде не увидеть! Врачи в основном среднего и старшего возраста, с большим опытом. Я уже успела провести несколько операций и смогла в этом убедиться доподлинно: эта принцесса ас-Сауд умеет вести дела!
- А главврача вы видели?
- Нет еще - меня принял его заместитель, Абу-Саед Сафари.
- И каково ваше первое впечатление?
- Трудно сказать... Похоже, он большой любитель женского пола - наговорил мне кучу комплиментов, едва лишь я вошла, и - почти ни слова о делах. Зато секретарша у него - закачаешься!
- Такая красавица?
- Куда там - просто гриф какой-то, а не женщина: в первую нашу встречу она на меня так посмотрела, словно я прямо с порога стала досадной помехой для ее отношений с непосредственным начальником - наверняка она так воспринимает каждую женщину на борту! Кажется, ее зовут Сара Насер. Ну вот, пожалуй, и все, ничего подозрительного пока что.

– Не расслабляйтесь, Агния Кирилловна, – серьезным тоном посоветовал мне Еленин. – Помните, с какой целью вы там находитесь, – все может оказаться не таким, каким кажется на первый взгляд.

– Не волнуйтесь, Илья Константинович, я ни на секунду об этом не забываю.

«А если бы и захотела, ты не дал бы мне этого сделать!» – добавила я про себя.

Завершая сеанс связи, Еленин сказал:

– По возможности, нам нужен полный список членов команды и медперсонала. Если получится, и пациентов тоже – это было бы просто отлично.

– Нет, отлично было бы, если бы я знала больше! Вы ищете кого-то конкретного?

На мгновение мне показалось, что глава НЦБ сейчас скажет «да» и введет меня в курс дела, но я ошиблась.

– У вас, Агния Кирилловна, вполне определенная миссия. Главное – не проколоться и ничем себя не выдать. Мне не нужна Зоя Космодемьянская на борту, мне необходим человек, который тихо соберет сведения и благополучно вернется домой, к семье. Вам все понятно?

Попрощавшись с Елениным, я забралась под одеяло. Моя каюта располагалась на восьмой палубе, как и каюты большинства старшего медперсонала. Пациенты размещаются на трех верхних палубах, а несколько нижних отведены под операционные, врачебные кабинеты, кабинеты физиотерапии и процедурные, под бассейны с сернистой и железистой водой и так далее. В самом низу, над машинным отсеком, базируются члены экипажа. Помимо этого, на прогулочной палубе есть два огромных плавательных бассейна, ниже – три кинозала и комнаты отдыха. На каждой палубе, за исключением двух нижних, имеются свой собственный ресторан и несколько небольших баров, кафе и магазинов.

Здесь, на восьмом уровне, легкая качка совершенно не ощущалась, и создавалось впечатление, что я лежу в собственной постели. Единственным, что не позволяло мне забыть о реальном положении вещей, был иллюминатор, за которым слышался плеск высоких океанских волн.

Совершенно очевидно, что Еленин посвятил меня далеко не во все подробности дела, я, возможно, получила лишь маленькую толику информации, известной моему нынешнему боссу. Работая с Лицкявичусом, я никогда не оказывалась в таком положении: он всегда говорил своим сотрудникам все, что знал сам, – именно за это мы его и уважали. А теперь что же получается? Я – тут, посреди огромного океана, и даже не знаю, на кого мне рассчитывать, кому я могу доверять...

Засыпая, я думала о том, насколько удивительным образом порою складывается наша жизнь: никто не знает, что ожидает его за очередным поворотом. Вот и я, лежа на своей койке, уже не та Агния, какой я была до встречи с Елениным, и даже не та, севшая на катер в порту Гонконга...

* * *

– Прекрасно выглядите, Андрей Эдуардович!

В голосе вице-губернаторши прозвучали довольные нотки, словно промяукала сытая кошка.

– Вы тоже, – буркнул он, на ходу срывая операционное облачение. – Можно вас поздравить с назначением?

– Можно, – усмехнулась Кропоткина. – Остаемся вдвоем с губернатором на второй срок, так что мы еще поработаем вместе.

– Вместе?

– Ваше восстановление в должности главы ОМР – всего лишь вопрос времени.

– И насколько долгого?

– Ну-у... пары месяцев, полагаю. Надеюсь, вам есть чем заняться во время ожидания?

Лицкявичус посмотрел на нее так, что Кропоткина сочла необходимым подсластить пилюлю:

- Сегодня все прошло великолепно – я наблюдала сверху, через стекло. Видимо, вы полностью восстановили форму. Когда вы возобновили операции?

Ее вопросы казались ничего не значащими, однако Андрей понимал, что это отнюдь не так: вице-губернатор сюрпризов не любила и, скорее всего, пыталась объективно оценить его физическое и моральное состояние – на предмет его возвращения к работе в Отделе.

- Эта операция – двадцать седьмая по счету.

- Понятно... Усталости не ощущаете? Утомляетесь не слишком быстро?

- Послушайте...

- Без обид, Андрей Эдуардович, – перебила его вице-губернатор, – но я с вами сейчас чрезвычайно корректна – сомневаюсь, что люди, которые станут вас допрашивать, воспользуются тактикой китайских дипломатов!

- Допрашивать?..

- Да, именно так. Временно исполняющий ваши обязанности Толмачев воспользовался своими обширными связями, и я, к сожалению, никак не могу ему помешать. Вопрос о вашем восстановлении собирается рассматривать серьезная медицинская комиссия, и вы должны не на сто, а на все двести процентов соответствовать их требованиям!

Возмущенная тирада застряла у Андрея в горле: Кропоткина права, пытаюсь докопаться до истины, чтобы впоследствии не попасть впросак.

- Значит, у меня есть еще два месяца? – уточнил он.

- Как минимум. Я со своей стороны обещаю позаботиться о том, чтобы подготовить комиссию должным образом: пусть Толмачев уже подобрал своих людей, но я собираюсь воспользоваться информацией, которую им следует

узнать и которую Толмачев, несомненно, намерен скрыть. Так что работайте спокойно, Андрей Эдуардович, вас прикрывают со всех сторон.

Он внимательно изучал лицо вице-губернатора. Они друг друга недолюбливали, но вместе с тем каждый умел ценить в другом положительные качества. Ни один из них ни разу не подвел другого, поэтому их предыдущее сотрудничество можно было считать вполне успешным. Кропоткина – женщина умная и отлично понимает, что Толмачев находится не на своем месте, поэтому Андрей не сомневался, что она все сделает именно так, как говорит.

– А могу я... уехать на время? – задал он последний вопрос.

– Уехать? – Вице-губернаторша выглядела удивленной.

– Да, из страны.

– Ну вы же не под подпиской о невыезде! – пожалала она плечами, хотя в ее глазах, скрытых бликующими стеклами очков, все еще читалось легкое недоумение. – Поступайте так, как считаете нужным. Только не забудьте оставить мне координаты, по которым вас можно было бы разыскать.

– Непременно.

* * *

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Павел выглядел озабоченным и озадаченным. Они дружили со студенческих времен и давно работали вместе – наверное, никто не знал Андрея лучше, чем Павел. С тех пор как Андрей возглавил Отдел медицинских расследований, созданный с целью служить недостающим звеном между врачебным сообществом и органами правопорядка, Павел Кобзев был его правой рукой. Несмотря на свою занятость по основной специальности – в психиатрической клинике, – он, не раздумывая, согласился на предложение друга – стать членом ОМР. Павел уже имел некоторый опыт сотрудничества с милицией и

прокуратурой, так как несколько раз выступал психиатром-консультантом по делам о серийных убийствах. Тем не менее работа в новой организации сильно отличалась от всего того, чем ему приходилось заниматься прежде. Но самое главное – она свела его с хорошими людьми, преданными своему делу, и Павел очень расстроился, узнав о смещении Андрея и воцарении Толмачева. Он даже подумывал уволиться, но, как и прочих, его удерживала от такого шага надежда на возвращение его бывшего начальника и друга. И вот теперь, когда дело, казалось бы, почти уладилось ко всеобщему удовлетворению, Андрей внезапно принял это странное решение о своем отъезде.

– Но почему сейчас? В смысле, скоро же комиссия...

– Не скоро, Паша, – только через пару месяцев, а то и больше. В любом случае я вернусь, как только меня вызовут.

– А ты не слишком торопишься? Я имею в виду только твою последнюю операцию, разумеется.

– Все в порядке, ты же видишь? Я и сам не ожидал!

Видимо, его друг просто не в состоянии усидеть на одном месте, даже после перенесенной им тяжелой операции по извлечению остатков осколков снаряда из черепа. Первые несколько «хирургий» были сделаны сразу после его ранения, в результате чего Андрея комиссовали из армии, иначе он и до сих пор мотался бы по «горячим точкам» в поисках приключений. Павел искренне считал, что все беды Андрея проистекают именно из-за его беспокойного характера. Жена Алина ушла от него как раз потому, что вынуждена была жить одна и в одиночку растить дочь, так как муж постоянно отсутствовал, а едва вернувшись, уже мечтал о том, как бы поскорее отправиться обратно. Дочь Лариса, выросшая практически без отца, пошла по кривой дорожке и связалась не с теми людьми, в результате чего едва не погибла и чуть было не загремела в тюрьму по обвинению в торговле наркотиками. Личная жизнь Андрея так и осталась неустроенной, несмотря на то, что развод состоялся уже давно. Может, это и правильно: если ты живешь как перекатиполо, то не стоит тянуть за собою шлейф из чьих-либо несбывшихся надежд и разбитых судеб.

– Ты выглядишь вполне здоровым, – согласился Павел, – но уезжать так далеко! Там ведь жуткий климат, ты в курсе?

- В это время года там не так уж плохо, - ухмыльнулся Андрей, похлопав друга по плечу.

Удивительно, но сейчас он выглядел моложе, чем во время их последней встречи. Если бы Павел не знал, что Андрею уже пятьдесят один, он ни за что не дал бы другу больше сорока! Интересно, это ожидание поездки так на Андрея подействовало? Если да, то, возможно, ему и в самом деле следует уехать - в конце концов, это же не Чечня или Афганистан!

- Они давно меня звали, - продолжал между тем Андрей. - Все не находилось времени - то ОМР, то проблемы со здоровьем, а теперь я готов, понимаешь?

Павел не удержался от улыбки: нет, Андрею не дашь даже и сорока лет - он похож на мальчишку, которому предложили новую игру.

- Я рад, что там по крайней мере не стреляют, - заметил он.

- Зато работы - поле непаханое!

- Сколько ты планируешь там пробыть?

- Столько, сколько потребуется для открытия и налаживания работы нового отделения. Я беру с собой нескольких своих ребят из реконструкционного центра: нужно их устроить, научить работать в коллективе местных врачей...

- В общем, это может занять годы!

- Нет, - покачал головой Андрей. - Кропоткина скоро вызовет меня на комиссию. Думаю, у нас тут тоже есть чем заняться, но пока что я не хочу мозолить глаза начальству своим присутствием. Она дала мне понять, что займется всем сама.

- Что ж, тогда ладно. А остальная команда в курсе?

- Какая команда, Паша? Леонид уволился, Агнию выгнал Толмачев...

- Кстати, об Агнии. Не знаешь, куда она подевалась?

- Подевалась? – удивился Андрей. – Как это?

- Да очень просто – я все пытаюсь до нее дозвониться, а мне отвечают, что ее мобильный находится вне действия сети! По ее домашнему телефону я тоже никого не застал.

- Странно... Ты говорил с ее матерью?

- Теперь, видимо, придется. Может, что-то случилось?

- С Агнией? Да бог с тобой, Паша, с этой женщиной постоянно что-то происходит, у нее просто дар вляпываться во всевозможные истории!

- Ага. И она кого-то мне до боли этим напоминает!

* * *

Удивительно, но на корабле выполняли хирургию любой сложности – от пластики до пересадки почек и коронарного шунтирования, поэтому все одиннадцать операционных не стояли без дела. На борт постоянно прибывали новые пассажиры с разнообразными диагнозами и обустроивались, как в дорогом отеле, со всеми возможными удобствами. Среди них были актеры, известные певцы и телеведущие, миллионеры, олигархи, нефтяные магнаты... Значительную часть клиентов составляли дочери богатых мусульман, которым требовался аборт или родовспоможение, после чего девушку могли со спокойной совестью выдать замуж как девственницу. Точно так же пациенты ежедневно покидали «Панацею» – на собственных водных транспортных средствах или на тех, что вызывались с борта из близлежащего порта: корабль, как и говорил Еленин, никогда не причаливал к берегу, курсируя в нейтральных водах.

Распорядок дня на «Панацее» никогда не нарушался. Я вставала в восемь утра, а на девять тридцать уже назначали первую, самую сложную за текущие сутки операцию. Затем – перерыв на чай или кофе, после чего следовали еще одна-две незначительные хирургии. Потом мы прерывались на обед, продолжавшийся два часа. В некоторые дни после обеда я могла быть совершенно свободна, но чаще приходилось работать до пяти или шести вечера. Досуг для медработников был

организован очень хорошо и совершенно отдельно от пациентов. Мы могли смотреть видео в каюте или, при желании, посетить большой кинозал для сотрудников, где непрерывно, начиная с трех часов дня, демонстрировались разнообразные фильмы. На борту имелась обширная библиотека, содержащая как литературу медицинской направленности, так и легкое чтение, включая женские романы и детективы на любой вкус. Кроме того, можно было провести время в баре, но здесь имелась своя специфика: так как большинство команды и персонала составляли мусульмане, алкоголь продавали только в вечернее время, и бармен каждый раз награждал неодобрительным взглядом даму, решившую не вовремя отведать «запретных напитков», хотя никто, естественно, не запрещал европейцам следовать своим собственным привычкам. Однако, несмотря на желание руководства удовлетворить все наши потребности, я вынуждена признать, что без милого общества Нур непременно заскучала бы! Сама мысль о том, что я нахожусь посреди океана, в изрядном отдалении от населенных пунктов, и все мое жизненное пространство ограничено размерами палубы, а общение – теми, кто работает со мной бок о бок, уже через какие-то несколько дней начала вызывать в моей душе чувство протеста.

Сидя на палубе, я пила чай со льдом и слушала истошные вопли чаек, свидетельствующие о близости берега. Я знала, что мы находимся недалеко от порта Ченнай, потому что один из наших пациентов, перенесший пластическую операцию по круговой подтяжке лица плюс липосакцию, должен был покинуть нас как раз в этот день. Катер ожидался с минуты на минуту. Мой рабочий день уже закончился, и я могла делать все, что пожелаю.

– Доктор Смол-л-ская?

Моя собственная фамилия, произнесенная кем-то по слогам, с мягким акцентом, заставила меня обернуться. Передо мной, широко улыбаясь, стоял невысокий пожилой мужчина в строгом костюме. Я узнала его: он сопровождал богача, которого как раз сегодня провожала «Панацея».

– Да? – отозвалась я. – Что-то случилось?

– Нет-нет, ничего не случилось, не волнуйтесь. Господин Пратап Сунанджи просто хотел вас поблагодарить за прекрасную работу и попросил меня – от его имени – преподнести вам небольшой презент.

Только теперь я заметила в его руках небольшой удлиненный футляр с гравировкой. Упаковка выглядела дорого, но, когда мужчина поднял крышку, я не сдержала возгласа изумления: на бархатной подложке покоились потрясающе элегантные золотые часы с усыпанным мелкими сапфирами циферблатом.

– Это вам, – продолжая вежливо улыбаться, сказал посыльный, довольный произведенным эффектом.

– Мне?! Но... простите, я не могу этого принять... – забормотала было я. Лицо индийца слегка потемнело, но он не успел ничего сказать, потому что в этот момент кто-то прошептал мне прямо в ухо:

– Берите немедленно, иначе вы смертельно обидите его хозяина!

Словно загипнотизированная, я протянула руку за подарком, и лоснящаяся физиономия посыльного вновь засияла.

– Передайте... господину Сунанджи мою глубокую благодарность, – проговорила я, от волнения с трудом подбирая английские слова.

– Непременно передам. Всего доброго, мадам.

И, поклонившись со спокойным достоинством, без единого намека на подбострастие, индеец удалился в направлении каюты своего хозяина.

– Это нормально? – поинтересовалась я у своей неожиданной советчицы. Ею оказалась старшая медсестра Сарика Шерават – кому, как не ей, знать все об индийских обычаях!

– Совершенно, – улыбнулась она. – Можно присесть?

Я кивнула, и индианка грациозно опустилась на стул напротив меня. Сарика восхищала меня как женщина – невысокая, приятно полненькая, с густыми черными волосами, модно подстриженными, а под белым халатом она всегда носила традиционные для индийских женщин сари необыкновенной красоты. Ее макияж отличался мягкостью, и я все никак не могла определить – сколько же

лет старшей сестре? Можно было лишь предположить, что никак не меньше пятидесяти пяти, но выглядела она просто великолепно.

– Хочу вас предупредить, Агния: ничему здесь не удивляйтесь. Наши пациенты частенько проявляют щедрость по отношению к персоналу, и нужно уметь достойно принимать ее. Вот я, к примеру, однажды получила в подарок дом...

– Целый дом?! – не выдержав, прервала я Сарику.

– Ну не половину же! – рассмеялась она. – Здесь принято дарить весьма щедрые подарки – машины, виллы, а уж золотые украшения... Так что – с почином вас! – и Сарика, приподняв свой бокал с соком, легонько ударила им о край моего.

На самом деле то, что мы так свободно болтали со старшей сестрой, было на борту скорее явлением исключительным, нежели общим правилом. Старший медперсонал предпочитал держаться подальше от среднего. Врачи общались лишь между собой, и только я, пожалуй, пренебрегала этим неписанным законом. Кажется, многие на «Панацее» этого не одобряли, но никто пока не решился мне об этом сказать, так как я здесь считалась человеком новым.

– Очень красивая вещица, – сказала Сарика, кивнув на часы. – Вам пойдут.

– И что, всем... дарят?

– Врач – это святое. От вас зависела жизнь пациента, даже если все это время он провел в бессознательном состоянии, поэтому уважающий себя богач просто не мог не отблагодарить вас за то, что он не умер из-за вашего наркоза!

– Как долго вы здесь работаете, Сарика?

– Почти пять лет. На самом деле давно могла бы уже уходить на покой, но мне тут нравится – свобода от условностей, хорошие бонусы, возможность отдохнуть от семейных забот...

– Вы замужем?

– Конечно! У меня муж и двое замечательных сыновей. Я могла бы не работать, но, как я уже сказала, для меня жизнь на «Панацее» – отдушина, а не просто служба. Мне кажется, что и вам это тоже нужно, Агния, верно?

В чем-то Сарика определенно права: в мире, где женщина по определению занимает в жизни позицию далеко позади мужчины, плавучий госпиталь являлся именно тем местом, где представительница слабого пола способна сделать удачную карьеру и занять достойное положение в жизни, согласно ее собственным умениям и способностям, без оглядки на правила приличия, принятые в том обществе, где работающая женщина до сих пор являет собой нечто чуждое национальной культуре.

Значит, Сарика здесь уже пять лет? Таким образом, она была знакома с Ван Хасселем... Я с трудом преодолела желание расспросить ее о нем немедленно – это выглядело бы совершенно неуместным поступком и одним махом разрушило бы все усилия Еленина и его команды. Нет, мне следует дождаться более удобного момента, когда мои вопросы не покажутся Сарике подозрительными.

Во время ужина я, как обычно, разделила свой столик с Нур. Пациенты ели раньше или получали еду прямо в каюты, поэтому с восьми до десяти вечера ресторан на верхней палубе «принадлежал» только медицинскому и обслуживающему персоналу. Посреди зала располагался огромный «шведский стол», включавший в себя салат-бар, плюс несколько подносов со свежими кукурузными лепешками и большие чаны из нержавеющей стали, полные кипятка. Такой штуки, как растворимый кофе, здесь не признавали, поэтому специальный человек, один из младших коков, варил его в джезвах, установленных на песчаной бане. Правда, можно было воспользоваться кофемашиной, но большинство азиатов предпочитали старинный способ приготовления. Прочие блюда подавались согласно меню, причем за обедом мы заказывали то, что хотели бы съесть на ужин.

Пока я болтала с Нур, поедая салат, обильно сдобренный специями, в конце зала слышались чьи-то громкие китайские ругательства. Большинство работников камбуза принадлежали не к арабской, а к китайской национальности. Старшим коком, державшим в страхе своих соотечественников, являлся Кун Ли, маленький, лысый, с узкими глазками, утонувшими в его пухлых щеках, и с морщинистым лбом. В «хорошие» дни его глаза даже возможно было разглядеть, но такие дни случались у него весьма редко. В этот момент Кун Ли как раз на чем свет стоит разносил в пух и прах одного из своих подопечных. Я

не знала, что именно произошло, но, судя по валявшемуся на полу блюду с рисом, неуклюжий парень опрокинул его и рассыпал гарнир.

– Смешной у них язык, у этих китайцев, верно, абла? — обратилась ко мне Нур, с интересом наблюдавшая за разыгравшейся сценой. – Лопочут что-то быстро-быстро и даже вроде бы друг друга понимают!

Стоявший на коленях молодой мужчина уж точно не обманывался насчет того, что ему говорил, а вернее, кричал его начальник. Тем не менее он, склонив голову, молча выслушивал Кун Ли, всей своей позой демонстрируя полнейшее смирение. Я отметила про себя, что уже видела этого китайца, хотя на палубе он появлялся редко, видимо, проводил все свое время в камбузе, под неусыпным надзором начальства. В тот, первый, раз я не могла не отметить весьма привлекательной наружности этого парня, хотя в целом китайский тип внешности оставляет меня равнодушной. Помню, я подумала тогда, что этот кок, должно быть, полукровка, потому что черты его лица – вполне европейские, волосы – вьющиеся, густые, и лишь раскосые глаза и выступающие скулы выдают в нем представителя монголоидной расы. Причем глаза у него не темные, как можно было ожидать, а светло-карие, почти желтые, как у амурского тигра.

– Абла, он сейчас заплачет! – сочувственно проговорила Нур.

Но она ошибалась: выражение лица молодого китайца походило на застывшую маску, и я решила, что эта маска скорее скрывает его ярость, не позволяя ей вырваться наружу, нежели страх или расстройство. Наоравшись вдоволь, Кун Ли разрешил наконец своему подчиненному убрать за собой. Через пять минут на полу не осталось ни единой рисинки.

– Ну и противный же старикашка этот Кун Ли, да? – сказала Нур, вновь поворачиваясь ко мне. – Совсем затерроризировал бедных ребят!

Я с ней согласилась – ну что такого ужасного совершил этот китаец, чтобы его настолько сурово отчитывать? В подобных ситуациях я чувствую себя как-то неудобно, так как эти случаи, как ничто иное, дают четкое понятие о сословном и классовом делении. Есть «первое сословие» – наши богатые пациенты, «второе» – старший медперсонал, «третье» – члены команды (разумеется, только высшее звено). К «четвертому сословию» относятся медсестры и

стюарды, а все остальные вообще не имеют номеров, и от этого на душе становится как-то противно. Именно по этой причине я в течение всего вечера искала глазами пострадавшего кока. Перед самой отправкой ко сну мои усилия были вознаграждены: в очередной раз проходя мимо камбуза, направляясь к спуску на свою палубу, я заметила пострадавшего от несправедливого обращения китайца. Время близилось к полуночи, и его рабочий день, очевидно, закончился. Без поварского передника и дурацкого колпака, в джинсах и простой белой футболке, он стоял, опершись о перила и устремив взгляд куда-то вдаль, за горизонт. Тронув его за плечо, я улыбнулась и сказала:

- Не берите в голову, честное слово! Ваш начальник, он... немного перестарался сегодня.

Парень выпрямился во весь свой рост, и я поняла, что он выше меня на добрую голову. Китаец смотрел на меня очень внимательно, но на его лице ничего невозможно было прочесть. Стоя в паре шагов от него, я увидела, что он и в самом деле чрезвычайно хорош собой – и как только такого красавчика занесло на «Панацею», да еще и на такую низкую должность? Между прочим, для меня стало очевидным и то, что он не так уж и молод. Наверное, я ошиблась в этом отношении, ведь европейцу трудно определить возраст монголоидов, обычно они выглядят значительно моложе своих лет. Наверное, ему уже под сорок, решила я.

- Не трудитесь, мадам, этот китаеза ни слова не понимает из того, что вы ему говорите!

Эта реплика принадлежала Имрану Хусейну, шефу службы безопасности «Панацеи». Странно, что он вообще со мной заговорил: этот египтянин всегда выглядел мрачным и нелюдимым человеком, а его черные глаза, непроницаемые и глубокие, как Марианская впадина, казалось, способны просканировать кого угодно до самого его нижнего белья. Поэтому я, сталкиваясь с Хусейном в бесконечных коридорах корабля, всегда торопилась опустить глаза и побыстрее проскочить мимо него.

- Эти димсамы[5 - Д и м с а м – в кантонской кухне легкая закуска, которую подают перед основными блюдами. Слово часто употребляется как оскорбление в отношении представителей китайской национальности.]вообще не говорят по-английски, – продолжал шеф безопасности с явными нотками презрения в голосе, и я подумала: откуда у него это снобистское чувство превосходства?

Хорошо, что парень ничего не понимает, иначе он вполне мог бы и обидеться на замечание египтянина.

Хусейн с достоинством прошествовал дальше, а я посмотрела на китайца. На мгновение мне почудилось, что его губы тронула легкая улыбка, но он развернулся и ушел слишком быстро, чтобы я убедилась в этом наверняка. В любом случае мне пора было возвращаться в свою каюту. Близился сеанс связи с Елениным, и я хотела успеть продумать, что ему сказать. Этот человек сам себе противоречил – с одной стороны, не уставал напоминать мне об осторожности: «не высовывайтесь», «не болтайте», «старайтесь не привлекать внимания» – вот его любимые фразы. Тем не менее создавалось такое впечатление, что он ежедневно ждет от меня новой информации! Так что же мне удалось выяснить за прошедшую неделю? Что в машинном отделении работают литовцы, белорусы и украинцы, а также несколько нигерийцев; медперсонал практически целиком составляют европейцы или латиноамериканцы, за исключением сестер, – как правило, индианок или арабок. Главного врача «Панацеи» Алена Маршана я еще не встречала, но, похоже, Еленина он очень интересуется. До сих пор мне не удалось сблизиться ни с одним врачом на борту, за исключением, возможно, пластического хирурга, милой немолодой француженки Люсиль Ламартен. Я понимала, что Еленин ожидает от меня каких-то важных сведений, но было бы гораздо проще, если бы он соизволил сказать, что именно мне тут следует искать!

* * *

В то утро настроение у меня было паршивое, несмотря на превосходную погоду. Перед завтраком я поговорила с Олегом, и его голос, такой далекий, заставил меня испытать острое чувство ностальгии. И за каким чертом я ввязалась в эту авантюру?! Голос Шилова звучал бодро, и я почувствовала себя очень плохо оттого, что ему, судя по всему, скучать явно не приходится. Интересно, как он проводит свое свободное время? Естественно, я скорее зашила бы себе рот кетгутом, чем задала бы ему этот вопрос – гордость не позволяла. Оставалось лишь надеяться, что времени на досуг у моего мужа остается немного, учитывая его занятость в должности заведующего отделением травматологии и ортопедии. Поэтому меня, несмотря на тихий голос совести, звучавший где-то глубоко в недрах моего измученного солнцем организма, даже порадовали его сетования на наплыв пациентов с переломанными конечностями: в Питере стоят холода и, как водится, гололедица. Значит, придя домой, Шилов валится с ног от усталости, а не пьет шампанское с какой-нибудь благодарной пациенткой или с

медсестрой, или...

– Ой, абла, вы слышали, что случилось?!

Встревоженный голос Нур заставил меня оторваться от невеселых мыслей.

– Случилось? – переспросила я недоуменно.

– Вы что, телевизор не смотрите?

Честно говоря, я предпочитаю этого не делать. Во-первых, российские каналы на борту не принимаются, а слушать наши новости в «исполнении» иностранцев я не люблю. Во-вторых, мне больше нравится почитать на сон грядущий или, на худой конец, посмотреть какой-нибудь фильм, чем переваривать тяжелую информацию о сложностях международной обстановки, очередном падении курса евро и о возрастании цены за баррель нефти.

– В Египте революция! – не дожидаясь ответа, воскликнула Нур, отчаянно жестикулируя.

– Революция?..

Я почувствовала себя довольно-таки глупо, повторяя слова девушки, но ничего не могла с собой поделать, так как новость меня потрясла: ведь мы как раз направлялись к африканскому континенту! Только сейчас я поняла, что на палубе как-то чрезвычайно тихо, а я, занятая своими размышлениями, даже не заметила, что что-то не так.

В ресторане работал большой телевизор, закрепленный прямо над столом с напитками, и вокруг него собралась большая толпа. На экране творилось нечто неопишное, голос диктора за кадром сдержанно вещал:

– ...Оппозиция пытается вывести максимум протестующих на площадь Тахрир и говорит о том, что наступили последние дни правления президента Мубарака. Тридцать лет Египет жил с одним и тем же президентом, с оппозицией-невидимкой и в состоянии «чрезвычайного положения». Страна, получающая миллиарды долларов от туризма, но позволяющая сотням тысяч людей жить в

городах из мусора и обломков, на помойках и кладбищах, наконец пробудилась от долгого сна и, кажется, высыпала на улицы Александрии и Каира в полном составе! Каналы «Аль-Арабия» и «Аль-Джазира» сообщают...

Мир прямо на глазах словно распадался на куски. Вылетая из Питера, я впервые услышала о беспорядках в Тунисе, а теперь вот пламя гражданской войны перекинулось и в мирный Египет – то ли еще будет! В первых рядах у телевизора стоял Имран Хусейн, он выглядел мрачнее тучи: это о его стране говорили во всех новостях.

– У нас же тут какой-то египетский министр, да? – тихо прошептала мне на ухо Нур.

Это была правда. Ему предстояла операция по коронарному шунтированию, после чего «Панацее» надлежало высадить министра в каирском порту.

– Может, долго это не продлится? – предположила я с надеждой. – Пошумят недельку...

– А если нет?

В глазах Нур застыло выражение страха...

Завтракали мы практически в полном молчании. Ни у кого не возникло желания поговорить, каждый кусок пищи словно застревал в горле. Живя в России, я обычно довольно-таки равнодушно воспринимала международные новости. Не потому, что мне наплевать, – наверное, просто трудно принимать близко к сердцу события, происходящие на другом конце земного шара. Теперь же, в непосредственной близости от этих населенных пунктов, мое восприятие резко изменилось. Все это теперь касалось и меня лично, потому что на борту находились пассажиры из упомянутых в новостях мест. Названные диктором города перестали быть просто точками на карте и ассоциировались уже с конкретными людьми.

В течение дня мне больше не пришлось излишне задумываться о международной обстановке ввиду моей сильной занятости: я участвовала в шести операциях. Когда наступил перерыв, я отправилась в Клетку, чтобы отдохнуть душой – сейчас для меня это было необходимо, как никогда прежде.

В первый же мой день на «Панацее», когда Сарика взяла на себя обязанность познакомить меня с жизнью судна, мы посетили Клетку – зверинец при лаборатории, где содержались подопытные животные. Там я познакомилась с Юбером, замечательным псом породы курцхаар. Я обожаю животных, всех без исключения, поэтому во время учебы в институте необходимость препарировать несчастных белых мышей и крыс всегда вызывала у меня острое чувство жалости, непозволительное для настоящего медика. Я предпочитала работать в морге: там можно многому научиться, не заставляя никого страдать. Однако в меде всегда была нехватка подопытных животных, поэтому многие зверюшки, по возможности, использовались по нескольку раз – в целях экономии средств. Во время учебы я повидала немало «многообразных» собак, и до сих пор, вспоминая о них, я ощущаю тяжесть на сердце и испытываю щемящее чувство вины. Лучше всех помню дворняжку по имени Колька. Рыжего, с одним обглоданным ухом, его отловили в одном из пригородов Питера и доставили в институт. Чего только не пережил Колька за свое недолгое существование – многочисленные инъекции, некоторые из которых оказывались весьма болезненными, вживление всевозможных медицинских аппаратов, тестирование лекарств... Казалось бы, все это должно было напрочь отбить у пса охоту общаться с двуногими мучителями, но Колька всегда дружелюбно вилял хвостом, завидев людей в белых халатах, и ласкался, словно отпуская нам все бывшие и даже будущие грехи. Я не самый верующий человек в мире, церковь посещаю редко, но каждый раз, когда такое случается, я поминаю в своих молитвах рыжего Кольку и прошу его простить меня и всех остальных, кому он так верил и от кого, несмотря ни на что, не ждал ничего плохого. Возможно, поэтому Юбер произвел на меня такое сильное впечатление – он напомнил мне Кольку. Коричневый с белыми пятнами пес уверенно держался на трех лапах – четвертая задняя была ампутирована во время одного из экспериментов, как любезно пояснила Сарика. В глубине души этот факт меня возмутил: да кому, черт подери, могло прийти в голову лишить лапы охотничьего пса?! Когда я нагнулась, чтобы погладить собаку, и провела рукой по шее пса, то нащупала пальцами насколько шрамов – на этих местах шерсть не росла. Юбер принял меня сразу, безоговорочно, аккуратно вылизав мне лицо и руки. Его разноцветные глаза, один карий, второй голубой, доверчиво и дружелюбно смотрели на меня. Как выяснилось, Юбер был единственным представителем своего вида в Клетке, большинство жителей которой составляли обезьяны различных пород, свиньи, кролики и, конечно же, крысы и мыши.

– Юбер – настоящий страдалец от медицины, – сказала тогда Сарика. – Он уже непригоден для дальнейшей эксплуатации, поэтому скоро его, наверное,

усыпят.

Эти жестокие слова меня потрясли, ведь псу было явно не больше двух лет от роду! С тех пор я стала навещать Юбера каждый раз, когда у меня выдавалось немного свободного времени, балуя его кусочками вяленого мяса, сыра или пирога. Любое подношение Юбер воспринимал с восторгом, и вскоре мы стали лучшими друзьями. Я понимала, что совершаю ошибку, общаясь с собакой, которой в любом случае грозит скорая смерть, но ничего не могла с собой поделать: мое сердце было отдано ему в тот самый миг, как наши глаза встретились. Вот и сегодня, в перерыве между операциями, я решила навестить своего нового приятеля. Наградой за это движение души мне стало его радостное повизгивание и бешеное виляние сильного хвоста, больно ударявшего по моим коленкам. В отличие от остальных обитателей Клетки, содержавшихся в вольерах и террариумах, Юбер свободно бегал по всей территории лаборатории. Поглаживая мягкую холку курцхаара, я рассеянно озиралась по сторонам. Рядом возился с кроликами лаборант – не говоривший по-английски араб, время от времени подозрительно посматривавший в нашу с Юбером сторону: ему, очевидно, было невдомек, что эта тетка из привилегированного сословия врачей делает в обществе трехлапой псины, сто лет никому не нужной? Я уже успела узнать о том, что арабы, в большинстве своем, собак не любят, считая их «нечистыми» животными, поэтому моя любовь к Юберу определенно не вызывала одобрения у лаборанта. Интересно, есть ли какой-то способ оставить пса в живых?..

За обедом и ужином все напряженно всматривались в экран: «Аль Арабия» истерично рассказывала о развитии дальнейших событий на площади Аль Тахрир. Мы услышали о том, что митингующие переместились от телецентра и здания МИДа к одной из резиденций президента.

– Идиоты! – процедил сквозь желтые зубы Имран Хусейн, не отрывая взгляда от телевизора. – Чего они добиваются?!

– Демократии? – равнодушно предположил зам главного Абу-Саед Сафари: будучи подданным Саудовской Аравии, он мало беспокоился о том, что творилось в «неблагополучных» странах.

– Демократии?! – переспросил Хусейн, бешено вращая глазами. – Да откуда ей взяться-то? В Египте нет четкой оппозиции, и ни Барадей, ни Амар Мусса почему-то не участвуют в демонстрациях и прочих беспорядках. Где они, спрашивается,

когда подвернулась такая уникальная возможность?

Беседа Сафари и главы службы безопасности о политике сама по себе выглядела невероятной, так как зам главного врача предпочитал не замечать никого, на ком нет белого халата. Тем не менее, похоже, Хусейн пользовался его особым расположением.

– Мубараку следовало бы раздавить их всех танками в первую же ночь! – продолжал шипеть Хусейн. – А теперь что? Банки позакрывались, автозаправки не работают...

Несмотря на волнения, сотрясающие африканский материк, на «Панацее» мы чувствовали себя в безопасности. Однако совсем скоро мне предстояло убедиться в том, что безопасность эта – мнимая.

* * *

В каюте стояла удушающая жара. Я не могла спать с включенным кондиционером из-за шума, кроме того, он охлаждал воздух настолько сильно, что к утру у меня зуб на зуб от холода не попадал. Однако и так больше продолжаться не могло – чтобы ночью столбик термометра опустился всего на два градуса и застыл на отметке +34?! Воистину, страсти Господни творятся не только среди людей, но и сама природа как будто решила окончательно уморить надоедливое человечество! Футболка прилипла к телу, и я, вскочив с койки, брезгливо сорвала ее и бросила в корзину для грязного белья, ежедневно опустошавшуюся корабельной прачкой. Проведя под теплыми струями душа минут пятнадцать (мне так и не удалось добиться достаточно холодной температуры воды), я переделась в другую футболку, натянула джинсы и вышла на палубу. Перед этим я взглянула на часы: половина третьего ночи!

Как и ожидалось, на палубе не оказалось ни души – кому взбредет в голову шляться там туда-сюда в такое время суток? Я оперлась о перила и подставила пылающее лицо морскому ветру. Криков чаек не было слышно – видимо, мы находились слишком далеко в открытом море. Кроме шума двигателей «Панацеи», я вообще ничего не слышала, и от этого мне стало как-то жутковато, словно я осталась здесь совершенно одна и вокруг – ни единой живой души. Глупо, конечно, ведь повсюду на корабле спали люди, а некоторые даже еще и не ложились, так как работали посменно. Наслаждаясь дыханием бриза, я

глядела на воду за кормой, всю в пенных барашках волн, вырвавшихся из-под кормы тяжелой махины судна. Но вот на темной водяной глади я заметила яркое пятно света. Оно дрожало и металось, но в целом держалось на одном и том же месте – по правую сторону от меня. Перегнувшись через перила, я измерила высоту: не оставалось сомнений, что свет исходит с нижней палубы. Светили большим фонарем на воду, и я задалась вопросом: зачем это кому-то могло понадобиться? Через минуту я получила ответ: на большой скорости к «Панацее» приближался катер. Я обратила внимание на то, что, подходя к судну, он приглушил двигатели, а огни на нем и вовсе не горели. На носу его стоял человек. С того места, где я находилась, я не видела его лица, скрытого тенью, зато прекрасно рассмотрела блестящий черный автомат, перекинутый через плечо неизвестного. Следовало бы мне вернуться в каюту и забыть о том, что я видела, но моя беда как раз в том, что я никогда не поступаю так, как следует. Определив, где именно находится неизвестный с фонарем, я направилась к лестнице. На пути мне никто не встретился. На нижней палубе шум двигателей казался еще громче, но я почти не замечала его, стремясь поскорее выяснить, что же там происходит в такой поздний час. Наконец я оказалась внизу. Замедлила шаг, боясь обнаружить свое присутствие, и услышала приглушенную арабскую речь. Сколько же там всего народу и почему, что бы они там ни делали, они решили заняться этим в три часа ночи?

Выглянув из-за переборки, я увидела копошившихся на палубе людей – всего я насчитала восемь человек. Они занимались погрузкой, оттаскивая от борта какие-то тяжелые ящики с надписью: «Do not toss!» («Не кантовать!») Возвращаясь к борту, мужчины перегибались через него и с помощью канатов поднимали все новые и новые ящики, и я поняла: вот сейчас, прямо на моих глазах, происходит что-то нехорошее... Допустим, все вполне законно и груз – медикаменты или, скажем, продукты в стеклянных банках, которые могут разбиться от неосторожного обращения. Тогда – почему ночью, втихаря? Люди на палубе явно старались не производить лишнего шума, не включать свет, и все ради чего – чтобы взять на борт то, что вполне можно забрать и при свете дня? Кроме того, каждый ящик тащили по четыре человека сразу, значит, груз очень тяжелый. Что-то тут не складывалось... Эх, если б я хоть немного понимала по-арабски!

Погрузка продолжалась около получаса, и все это время я простояла неподвижно, наблюдая за действиями неизвестных. Затем я услышала, как заработали двигатели – видимо, это катер отшвартовался и поплыл прочь от нашего корабля. Оставшиеся на палубе люди подняли последние ящики и двинулись в сторону лестницы вниз – насколько я знала, там располагался трюм.

Вряд ли мне стоит идти за ними и выяснить-таки, что находится внутри, поэтому, выждав немного, я решила вернуться в каюту. Подходя к лестнице, ведущей на мою палубу, я вдруг заметила тень, и она не была моей: та, чужая, тень неподвижно замерла у одной из переборок. Застыв от ужаса, я уставилась в ту сторону, лихорадочно прикидывая – какие у меня пути для отхода. Кто это – один из тех, кого я заметила на палубе во время погрузки? Если так, то почему он не схватил меня сразу?

Тень неожиданно рванулась в сторону и скрылась в той стороне, куда до этого спустились люди с ящиками.

* * *

Не дожидаясь сеанса связи с Лениным, я незамедлительно отправила ему донесение по электронной почте. Скорее всего, происшедшее никак не связано с целью моего пребывания на «Панацее», однако это может иметь отношение к Интерполу – вдруг на корабле перевозят наркотики? Случившееся ночью может означать, что капитан судна не в курсе дела... или в курсе, но не хочет, чтобы об этом узнало его начальство в Эр-Рияде... или еще что-нибудь. В любом случае Еленин наверняка захотел бы получить информацию из первых рук.

Спать я легла только в начале пятого, поэтому утром чувствовала себя разбитой. Это уж совершенно непростительно: пациенты не должны страдать по моей вине! Поэтому я провела под контрастным душем четверть часа, а за завтраком влила в себя пару галлонов крепчайшего кофе по-турецки. Вообще-то я его терпеть не могу: создается такое впечатление, что ты жуешь кофейные зерна, запивая их кипятком, но сейчас это было для меня как нельзя кстати. Обстановка в ресторане оставалась все такой же напряженной, телевизор по-прежнему работал.

– Пятьсот раненых! – бормотала Нур, ковыряя вилкой омлет с морепродуктами. – Десяток погибших под камнепадом... Аллах, абла, что вообще происходит?! Я же была в Египте с семьей – мы отдыхали в Шарме, там так здорово!

На экране мелькала хроника страшных событий, кадры сменяли один другой. Люди кричали, размахивали плакатами, и, несмотря на английскую речь за кадром, и так было понятно, что творится что-то невероятное.

– Просто кошмар! – воскликнула Сарика, подсаживаясь за наш столик со стаканом апельсинового сока в руке, качая головой с красиво уложенными кудрями. – Куда катится мир... Думаю, военные должны наконец вмешаться: зачем выводить танки на улицы, если они не собираются ничего предпринимать?

– Ой, не уверен, что это хорошее решение проблемы! – отозвался из-за соседнего столика холеный мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Говорил он по-английски с акцентом.

– Ален Маршан, – очень тихо пояснила Сарика.

Так вот он какой, главный врач «Панацеи»! Я с интересом посмотрела на него и спросила:

– Почему вы так считаете?

– Да потому, мадам, что армия в Египте – это не просто военная сила, у них имеются в распоряжении огромные средства – я имею в виду, конечно же, генеральскую верхушку. Они держат предприятия, торгуют бензином, содержат отели на побережье и получают лицензии на строительство. Для них эта, с позволения сказать, «революция» – пока что неизвестный зверь, и они не представляют, чего от нее следует ожидать. При Мубараке они жили хорошо, но время для перемен уже назрело, поэтому сейчас армии придется решить нешуточную проблему: стрелять в собственный народ или встать на его сторону и позволить реформам свершиться!

Я украдкой взглянула на Имрана Хусейна. Сегодня он явно не был расположен к беседам и сидел в углу, подальше от всех, не сводя глаз с экрана.

– ...Сегодня на площади Тахрир от ножевых ранений погиб шведский корреспондент, – вещал голос за кадром. – Демонстрации протеста переросли в грабежи и мародерство, разграблена одна из экспозиций Национального музея. Проводится срочная эвакуация туристов, аэропорты забиты до отказа...

В течение всего дня я не переставала думать о том, как долго продлится эта ситуация. Именно сегодня мы оперировали того самого египетского министра – вот уж кого происходящее должно интересовать больше, чем всех прочих! Через некоторое время планировалось высадить его в порту Каира или Александрии,

но ведь, если беспорядки не утихнут, это будет невозможно осуществить.

В перерыве я спустилась в машинное отделение, чтобы поболтать со старшим механиком Сергеем, с которым познакомилась сразу по прибытии на судно. Чтобы не идти с пустыми руками, я прихватила с собой маленькую бутылочку «Бейлиса» из бара. Лучко страшно обрадовался подарку, и мы немного поговорили о судне. Механики редко выходили на палубу, и любой посетитель «сверху» был здесь редкостью. Оказалось, что Сергей, как и Саша Анохин из камбуза, работал на борту корабля уже больше трех лет.

– А что, меня все устраивает! – пожал он плечами, когда я спросила, как ему тут работается. – Бабки платят нехилые, работа, опять же, по специальности, народ культурный – что еще надо для счастья? Жена довольна, дети – тоже...

– Слушайте, Сережа, по ночам в машинном кто-то остается?

– А как же – у нас дежурства: вчера, к примеру, здесь был Фейсал... Почему вы интересуетесь?

«Да потому, что человек, находившийся здесь ночью, скорее всего, слышал шум, производимый людьми, грузившими ящики в трюм!» Не ответив ему, я снова спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

А б л а – сестра (араб.).

2

Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Шоковая терапия».

3

Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Пациент скорее жив», издательство ЭКСМО.

4

А я т – самая малая единица текста Корана, «стих».

5

Д и м с а м – в кантонской кухне легкая закуска, которую подают перед основными блюдами. Слово часто употребляется как оскорбление в отношении представителей китайской национальности.

Купить: https://telnovel.com/gradova_irina/klinika-v-okeane

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)